Ровесник

4
1977

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Апрель, 1977 год, № 4

На первой странице обложки: Сварщики Усть-Илимской ЛЭП. Поверьте, это очень высоко. Они над сибирской тайгой, над Усть-Илимской плотиной, над городом. Там сильнее ветер и, говорят, на пару градусов холоднее. Там — это на первых опорах высоковольтной линии Усть-Илимской ГЭС. (Фото А. Маслова.)

На четвертой странице обложки: Этот снимок сделан в том же месте, точнее, над тем же местом — над озером Байкал «с прилегающими районами». Оттуда, из космоса, все становится близким. (Фото получено с борта советского космического корабля «Союз-22».)

СИБИРЬ: ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС — отрывок из книги югославского репортера
В ОЖИДАНИИ БОЛГАР — очерк корреспондента «Ровесника» о работе и жизни болгарских шоферов в Усть-Илиме

СТЭНФОРД. Преподаватели известного в США Стэнфордского университета выразили беспокойство тем, что в высших учебных заведениях страны сокращаются программы по изучению философии, литературы, истории, иностранных языков и таким образом университеты превращаются в «тренировочные центры», где студенты получают лишь определенные навыки для выполнения узких задач производства.

ГДАНЬСК. Не впервые приехали вьетнамские студенты и молодые специалисты на практику в порты ПНР. Сейчас группа инженеров из Ханойского института машиностроения знакомится в Гданьске с технологией строительства рыболовных судов. Вьетнамские инженеры несколько месяцев проработают на верфи. Многие из них выпускники Гданьского политехнического института.

ЛОНДОН. Сотни раненых, 45 арестованных — таков итог побоища, устроенного лондонской полицией в квартале, где живут выходцы из стран Африки и Южной Азии. 1508 вооруженных до зубов полицейских одержали «победу» над безоружной молодежью, протестующей против расовой, социальной и экономической дискриминации.

На снимке: «Нет, мы не будем людьми второго сорта!» — говорят молодые демонстранты.

УЛАН-БАТОР. 30 тысяч молодых специалистов с высшим и средним образованием начнут работать в народном хозяйстве Монголии в текущей пятилетке. Вузы и средние специальные учебные заведения республики оснащаются совершенным оборудованием, создаются новые факультеты, которые будут готовить студентов к работе в самых современных отраслях промышленности.

ЛАГОС. Нигерийский писатель и общественный деятель С. Дж. Икоку обвинил многонациональные монополии в проникновении в систему высшего образования страны. Под видом экономической помощи они взяли в свои руки планирование и управление в деле подготовки специалистов. Их цель — подготовить себе послушных чиновников в Нигерии и в других африканских странах, создать условия для «утечки мозгов» — эмиграции специалистов из развивающихся стран в развитые. На международном студенческом семинаре «Многонациональные монополии и современный мир», проведенном МСС при поддержке ЮНЕСКО, было подчеркнуто, что борьба против засилья иностранных монополий в высшем образовании развивающихся стран — это часть общей борьбы за полную ликвидацию остатков колониального прошлого, национальную независимость, мир, экономическую свободу и прогресс.

ИОГАННЕСБУРГ. Местная газета «Стар» назвала «революцией детей» охватившие всю страну выступления учащихся средних учебных заведений и подростков. Почти 2 тысячи осужденных за участие в демонстрациях протеста против политики апартеида в конце прошлого года были отнесены южноафриканским институтом расовых отношений к малолетним «преступникам». В Соуэто полиция проводит повальные обыски и аресты детей. Ребят забирают на улицах, в классах, домах, полиция хватает даже школьников младших классов — восьми-одиннадцатилетних детей.

КОПЕНГАГЕН. Среди требований, которые выдвигает Коммунистический союз молодежи Дании, главное — предоставить молодым право на труд. В стране более 100 тысяч безработных, половина из них моложе 25 лет. Да и положение тех, кто работает, не из легких. Налоги отнимают 40—45 процентов месячного заработка, а дороговизна растет. Непомерно велики и расходы на образование. В прошедшие два-три года не больше 13 процентов рабочей молодежи могли получить среднее образование. КСМД отстаивает и право молодых иметь своих представителей во всех органах управления учебных заведений.

ЛИССАБОН. В год своего создания — 1972 — Союз студентов-коммунистов Португалии (УЭК) в глубоком подполье создал организации в трех крупнейших университетских центрах страны — Лиссабоне, Порту и Коимбре. Сейчас УЭК стал общенациональной организацией, которая имеет свои ячейки практически во всех высших и средних учебных заведениях страны. УЭК стал инициатором патриотического движения за ликвидацию неграмотности — АЛФА. Сейчас студенты-коммунисты готовятся к новой летней кампании АЛФА.

СОФИЯ. Социалистическая Болгария вышла на одно из первых мест в Европе и мире по числу студентов на душу населения. Это явилось результатом социальной политики Болгарской коммунистической партии и государства. Общество все больше берет на себя заботу по содержанию подрастающего поколения. И эту заботу молодой болгарин чувствует, едва переступив порог школы. Бесплатные учебники и школьные принадлежности, бесплатные завтраки и обеды для детей из многодетных семей, стипендии для учащихся старших классов, интернаты и школьные общежития для ребят, приехавших из отдаленных сел, — таков далеко не полный список мероприятий, предусмотренных седьмым пятилетним планом в области народного просвещения.

БОГОТА. Студенты и молодежь колумбийской столицы протестуют против попыток иностранных монополий с помощью внутренней реакции «пиночетизировать» страну. Правые экстремисты, стремясь создать обстановку тревоги и неуверенности, совершают налеты на помещения компартии и других прогрессивных организаций, устраивают покушения на руководителей компартии и профсоюзов.

На снимке: так выглядела одна из улиц Боготы после очередной вылазки правых сил.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

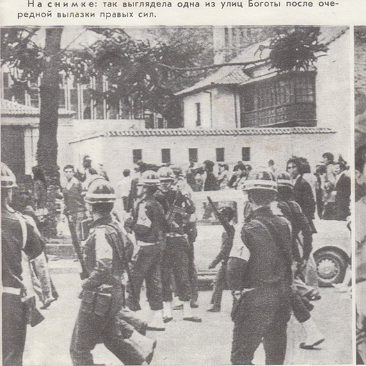
МАДРИД. Никогда еще в Испании за последние тридцать лет не наблюдалось такой широкой активности масс, как сейчас. Союз коммунистической молодежи Испании ведет поиск новых форм участия молодежи в общей борьбе трудящихся, выступает за удовлетворение конкретных требований молодых испанцев: права голоса с 18 лет, права на труд для всей молодежи, права на бесплатное демократическое обучение, на оплачиваемый отпуск. Центр тяжести работы с молодежью перенесен в рабочие комиссии (полулегальные профсоюзы трудящихся). Многие члены СКМ выбраны в руководство рабочих комиссий на предприятиях. Организации СКМ созданы также более чем в тридцати учебных заведениях по всей стране.

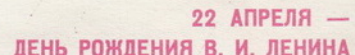
ПАРИЖ. Национальный союз студентов Франции и национальный профсоюз работников высшей школы выступили с требованием предоставить выпускникам вузов «возможность начать достойную жизнь». Дело в том, что многие дипломированные специалисты вынуждены скрывать от администрации то, что они закончили университет или институт, иначе они потеряют свое место, не требующее никакой квалификации. Согласно данным французского статистического бюро только 17 из каждых ста выпускников технических вузов могут рассчитывать на работу по специальности.

БЕРЛИН. Миллион юношей и девушек ГДР станут до 1980 года квалифицированными рабочими. Выполнение этой цели во многом определит лицо рабочего класса грядущих десятилетий. Об этом говорится в постановлении Политбюро ЦК СЕПГ, Совета министров ГДР, Объединения свободных немецких профсоюзов и ССНМ по дальнейшему совершенствованию системы профтехобразования в стране. Профессионально-техническая подготовка строится таким образом, чтобы учащиеся имели максимум возможностей выбрать профессию по душе, в соответствии с их личными интересами, наклонностями и способностями.

НЬЮ-ЙОРК. По сообщению комиссии, изучавшей положение пуэрториканцев в США, эта категория населения находится в самом бедственном положении. Хотя пуэрториканцы составляют менее процента населения, именно среди них самый высокий процент безработных. Расовая дискриминация приводит к тому, что пуэрториканцам первым отказывают от места в случае сокращения; они населяют трущобы Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и других городов США.

На снимке: пустыри и свалки — единственные «игровые площадки», доступные пуэрто-риканским детям.





22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Первенец болгарской металлургии в Пернике и крупнейший металлургический завод в польском городе Новая Гута, самый современный проспект в столице Монголии Улан-Баторе, площади и улицы в городах красного пояса Парижа и центральная магистраль Калькутты носят имя человека, изменившего лицо современного мира.

В этой памяти о В. И. Ленине не только признание заслуг вождя Октябрьской революции и мирового пролетариата, но и уважение к главному делу его жизни — первому в мире государству рабочих и крестьян.

Эти снимки сделаны в разных точках Европы: домик в польской деревне Поронино, памятник перед музеем в Праге, мемориальные доски в финском городе Тампере и на доме № 24 на улице Бонье в Париже... Здесь бывал Ленин. Сюда каждый день идут люди.

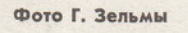


Фото Г. Зельмы

NH75
F

СИБИРЬ: ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС

Драгиша ПОПОВИЧ,
югославский журналист
Фото автора

Такое название автор дал своей книге, фрагменты из которой мы публикуем.

Несколько слов об авторе. Это энергичный репортер, за плечами у которого тысячи километров, проделанные по всем континентам земного шара. Итогом этих поездок стали книги: «Почему убит Альенде», «Ангола, борьба за мир»...

Перед океаном тайн

Бесконечные пространства Сибири всегда казались любознательным иностранцам океаном тайн, рассыпанных там, за Уралом. Мне довелось проделать в этом океане более тридцати тысяч километров на самолетах и на санях, в машинах и на собачьей упряжке, но, разумеется, я не могу похвалиться, что объездил всю Сибирь. Для подобной затеи не хватило б и года. Однако у меня было достаточно времени и возможностей познакомиться с людьми, меняющими лицо снежной пустыни. И должен сказать сразу: за все шесть недель поездки по населенным и ненаселенным сибирским краям никто ни разу не говорил со мной шаблонными фразами, не пытался показать жизнь, скрывая трудности и проблемы. А для проницательного человека это значит куда больше, нежели просто общительность. Впрочем, даже и просто общительность значит немало. Люди с далекого севера не кажутся ни медлительными, ни молчаливыми, их отношение к собеседнику не имеет ничего общего с недоверчивой безынициативностью провинциалов. Они хотят слышать обо всем, что происходит в мире, и так же подробно рассказывают о себе, о своих делах, о больших и маленьких радостях, обо всем, что может заинтересовать человека, впервые попавшего в Сибирь.

Но прежде чем говорить о том, что я приобрел в этом путешествии, скажу, что потерял.

Где-то давно услышанное мной высказывание о том, что «Сибирь не терпит жизни», после первых же впечатлений в аэропорту Домодедово стало лишним багажом, ибо бо́льшая часть людей из этой аэродромной реки пассажиров летела именно в края вечной мерзлоты. Не надо особого ума, чтоб понять, что жизнь там, где люди.

Добродушные собеседники старались здесь, на пороге Сибири, разъяснить нам происходящее там, в Сибири, без всяких драматических предисловий. Уже здесь, в Домодедове, Сибирь как географическое понятие обретала свои размеры. Нетрудно догадаться, что это пространство намного больше и шире, нежели путешественник из Европы может вообразить в своей фантазии. Одно только сообщение, что полет до Иркутска продолжается семь часов с посадкой в Омске, уведомляет о встрече с огромным простором.

«Иностранцы, когда они пересекают Уральский хребет, ожидают чуда. Мой вам совет: не ищите чуда в Сибири — ищите людей!» Это сказал доброжелательный Петр Ефимов, возвращавшийся после отпуска на работу в Новосибирск. Потом он говорил, что многие богатства в этих краях все еще пребывают в покое, как будто спят глубоким сном, и их надо разбудить. «Будьте уверены — это совсем нелегкий и непростой труд», — добавил Петр Ефимов. И еще один совет этого добродушного румяного рабочего врезался мне в память: если столкнешься с неожиданным, лучше притвориться равнодушным и спокойно продолжать разговор с хозяевами. Это, по его словам, поможет стать ближе к характеру сибиряка, который в тайге безоружный не испугается встречи с медведем, а тем меньше — снежной метели при температуре, достигающей минус 55 градусов по Цельсию. Потом я понял, что игра с природой сохранилась в крови народа, живущего в этих суровых краях, и хладнокровие как олицетворение храбрости — черта, преобладающая и почитаемая на всем сибирском пространстве. Собеседник же мой добавил еще: «И никогда не соревнуйтесь с сибиряками в выносливости».

Лауреат премии Французской академии наук Пьер Рондьер после посещения Сибири написал: «Это часть будущего, которое существует уже сегодня, и кто не знает хотя бы что-нибудь об этом районе, не знает ничего о будущем нашей планеты».

Что знаю о ней я, ожидающий с ней встречи?

«Люди не ласточки»

Мы вышли из самолета в Мирном, и Сибирь показала нам свои зубы. Сильный ветер делал двадцатиградусный мороз еще крепче, а солнце висело над горизонтом всего лишь как украшение — холодное и яркое.

С первых шагов мы услышали про главную особенность «алмазного города»: аэродром строится, гостиница строится, большой ресторан строится, Дом культуры строится...[1]

---

[1] *В этом нет ничего необычного — первый дом появился здесь в 1956 году, а с недавних пор все деревянные строения заменяются бетонными многоэтажными корпусами.* — Прим. авт.

НАВСТРЕЧУ
60-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Встретивший нас редактор местной газеты «Мирненский рабочий» утверждал, что на сибирской земле старый закон о росте городов, похоже, теряет силу. «50 или 100 лет — это целый световой год для этих мест, — говорил он. — Даже 10 лет — долгий этап для сибирского города, а дальше мы будем строить еще быстрее. Города здесь, как дети, — улыбнулся он, — должны слушаться взрослых».

Это было забавное сравнение: люди взрослеют здесь медленнее, чем город. Сам Мирный лишь недавно стал совершеннолетним, а в нем уже 50 тысяч жителей. По понятиям какого-нибудь европейского урбаниста, построить город подобных размеров всего за 18 лет означает большую дерзость.

Построить дома, улицы и тротуары недостаточно. И маленький и большой город имеет 1001 желание: регулярное снабжение, медицинское обслуживание, культурно-просветительные учреждения, необходимые, как говорят архитекторы, сопутствующие объекты. Как же поступали сюда строительные материалы, продукты и все остальное? Караванами грузовиков, которые, как бедуины через песчаную пустыню, пробивались сквозь снег и лед. Самолеты не всесильны, когда приходится снабжать города в пустынях — снежные ли это пустыни или песчаные — все одно.

В 1955 году, после известного открытия месторождений алмазов, сюда не бросились со всех сторон искатели, торговцы, безудержные авантюристы. Спокойно, без какого-либо ажиотажа двинулись экспедиции с точно намеченным заданием. Бриллианты не заставили трепетать душу, но зато и сейчас почти все жители помнят, сколько потребовалось самоотречения, чтобы Мирный приобрел свое нынешнее лицо, ожил и заработал право быть обозначенным на географической карте.

Наш седовласый коллега, настоящий газетчик, прежде всего хотел обратить наше внимание на здешнюю философию жизни, которая, кажется, не теряет своего значения и на экваторе. «Далеко не каждый умеет жить, даже когда ему хорошо, попробуйте жить по-человечески, когда вам трудно, даже невмоготу».

Я говорил с одним из старожилов города, Николаем Титовым. Ему 49 лет, он не сибиряк по рождению, рабочий. Его не смутил вопрос: почему вы приехали в Сибирь? «У каждого человека есть какая-то склонность, — говорил он. — Видите ли, на войне я был разведчиком. Может быть, эта склонность к разведыванию неизвестного осталась во мне... Конечно, мы знали, что здесь совсем не жарко. Те, кому не понравилось, уехали назад — в теплые края. А мне понравилось. Тут родились мои два внука», — добавил Титов.

Иностранец, знакомый со всеми клеветническими высказываниями о якобы «насильственной миграции» населения в Сибирь, после таких встреч постепенно все больше убеждается в абсурдности подобных утверждений. Вместо сгрудившихся тесной толпой людей с лопатами и кирками, которых хлещет пронизывающий ветер, как это представляют авторы некоторых статей, мы увидели фабрики с современным оборудованием, стройки с самой совершенной механизацией и рабочих в меховых куртках, управляющих машинами.

Первый деревянный дом уже превращен в музей, и в нем можно познакомиться с историей Мирного и всего края до возникновения города. На витринах под стеклом лежат первые найденные алмазы, фотографии первых жителей «палаточного» поселка, ставших теперь старожилами Мирного. «Люди не ласточки, — как шутя сказал мне энергичный горный инженер Юлий Ефимов, — они не переселяются в зависимости от перемены времен года».

И пока Ефимов показывал и объяснял, как работает фантастически современный алмазный рудник, я думал в который раз за свое пребывание в Сибири: как легко измерима ценность этого дорогого камня и насколько все же неизмерима сила человека!

Следующим за ними можно будет уже ехать по БАМу... Им будет теплей, удобней и легче, чем первопроходцам, но вряд ли будет интересней.

Дорога в будущее

При взгляде с самолета она похожа на заледенелую неподвижную и гигантскую змею. Приземлившись, мы увидели ее все той же заледенелой и гигантской, но она не была неподвижной, потому что весь смысл ее был в том, что она уходила все дальше и дальше.

Само небольшое здание аэродрома, окруженное высокими сугробами, показывало молодость этого воздушного пристанища, которое без преувеличений уже описано в мировой журналистике сотни раз —

со всеми оттенками, от восхищения до скептицизма. Мне же стало ясно, что мы прибыли на территорию, лишь недавно освоенную людьми, буквально вырванную у природы и сейчас превращенную ими в огромную стройку.

Когда нам хотели показать всю молодость этого поселка, то говорили, что, «бродя вокруг, все еще можно заметить следы изыскателей на снегу». Похоже, это было не только образом. Здесь все рождено вчера, старость — слово неизвестное, ненужный термин в лексиконе жителей поселка Усть-Кут.

Новая железная дорога должна протянуться на 3200 километров. В момент решающего строительного наступления, это подсчитано, вдоль трассы будет работать свыше 4 тысяч бульдозеров, тракторов, кранов и других механизмов плюс около 10 тысяч грузовиков емкостью до 20 тонн и, что особенно важно, сотни машин, специально подготовленных для работы в суровых условиях сибирской зимы. Пока что все эти цифры «забегают» намного дальше, чем ушла дорога, но на то и расчеты, чтобы опережать реальность.

Проектировщики подсчитали, что первый поезд по БАМу будет пущен в пробный рейс в 1982 году, а полная эксплуатация дороги начнется в 1983-м.

Однако уже есть цифры, принадлежащие прошлому.

В 1975 году было построено около 270 километров стального пути и около 100 мостов. На пустынных доселе местах поднялись 30 новых поселков. Все это меняет географическую карту значительной части сибирского пространства, и эта правдивая игра цифр очень хорошо иллюстрирует размеры всего начинания в целом[1].

Что сделает БАМ?

БАМ приблизит и сделает доступным будущие шахты и рудники. В Читинской области близко от трассы будущей магистрали находится Удоканское месторождение меди, по подсчетам геологов, находящееся среди крупнейших в мире. Угольный бассейн в южной Якутии также представляет колосс, которого пробудит БАМ. Геологи предсказывают, что там находятся запасы угля мощностью в 40 миллиардов тонн, причем они выходят на поверхность земли и занимают огромную территорию.

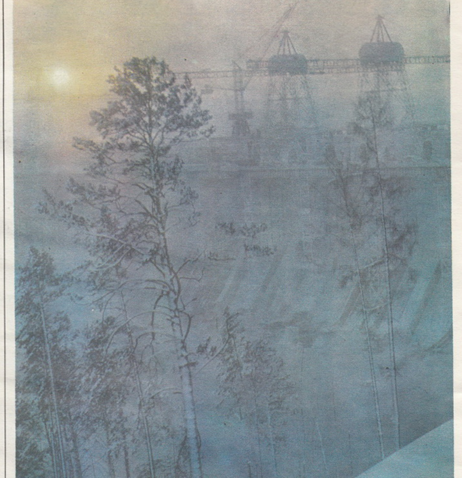
Приезжие, обычно журналисты, оказавшись среди всей этой грандиозной армии механизмов, ищут чего-то исключительного во встрече с рабочими-строителями единственного в своем роде железнодорожного пути. А те чаще всего — и справедливо — отвечают: «Здесь все только исключительное, поэтому на самом деле ничего необычного нет». И самое удивительное в том, что, хотя даже сам замысел БАМа не имеет аналогий, мысль о том, что все происходящее здесь обыкновенно, справедлива.

Кое-кто сравнивает длинную магистраль со «стрелой», поясняя, что ей суждено пронзить ледяное сердце Сибири и заставить огромную холодную пустыню превратиться в гостеприимный, сердечный и чудесный край. Дело идет к этому.

Перевела с сербского
Яна КУНИНА

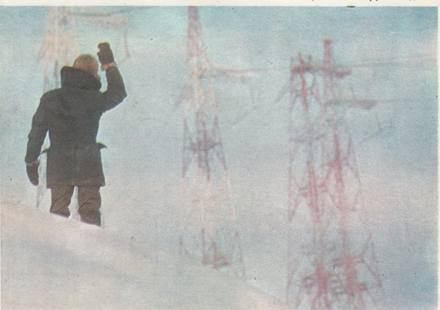
---

[1] *Книга была написана раньше, чем были подведены итоги строительства БАМа за прошлый год, поэтому та «правдивая игра цифр», о которой говорит автор, естественно, продолжается.* — Ред.



В ОЖИДАНИИ БОЛГАР

Ю. ЛЕКСИН, А. МАСЛОВ (фото),
наши специальные корреспонденты



Мы уже писали о болгарских шоферах, приехавших в далекий для них Усть-Илим, чтобы строить лесопромышленный комплекс в тайге («Беседы с Иваном» — «Ровесник» № 6, 1976). Но тогда они были новичками в этих краях, и даже рассказы о здешней зиме были для них всего лишь рассказами. Прошел год...

Кажется, я уже вправе называть его своим старым знакомым, потому что во второй мой приезд мы узнали друг друга, хотя не виделись почти год и, признаться, не надеялись на встречу. В разговорах мне и пришла эта мысль — мысль о том, что в каждом разговоре существуют недосказанности, на которых, может быть, и держится весь разговор. Недосказанности эти похожи в чем-то на тот загадочный для меня физический закон, по которому огромный корабль, сделанный из железа и весь загруженный, все-таки держится на воде, мало того, плывет.

Сам же рассказ Виктора, заместителя командира болгарского отряда, был прост. С видимым удовольствием он говорил о том, что болгары уже познакомились с пятидесятиградусными морозами в Усть-Илиме. «И, как видите, — усмехнулся он, — живы».

В тот день они могли не выходить на работу, но (та самая недосказанность) вышли. Машины, естественно, не заводились. К каждой из них, а их было сто, должна была подъехать специальная машина и, как говорят шоферы, «дать прикурить». Так она и ездила... К двенадцати часам дня выяснилось, что на нескольких машинах «полетели заглушки».

— Починить их можно только голыми руками, — медленно, словно самому себе, пояснял Виктор.

— И что? — спросил я, уже зная ответ.

— Починили.

Он посмотрел на меня своим кротким взглядом, зная, что представить ту работу, сидя в теплой комнате, невозможно.

Через пару дней должны были приехать новые болгары на смену отработавшим год и уже уехавшим домой, и я спросил:

— Вы расскажете им и об этом?

— А почему нет? — поднял он взгляд.

В соседней комнате проснулась его дочь. Я вспомнил, как в прошлую встречу Виктор говорил, что учит русский еще и для нее: он уже твердо сознавал, что обладает богатством, которое невозможно растерять, но можно передать, и маленькая девочка была наследницей этого богатства, цену которому еще не знала.

Она вошла заспанная после вечернего сна. Тоненькая, высокая, она покачивалась стеблем, идя к нему, и он стал легонько целовать ее, чтобы разбудить совсем, и она просыпалась при нас, отворяя глаза все больше и любопытней; и сразу, как всегда бывает после появления ребенка, гости в доме почувствовали себя лишними.

Он звал ее нежно Буби — Котенок. Вернулась и жена и тоже глядела на Буби, лаская ее издали взглядом.

Поли утверждала, что ее имя взято из украинских мест — «понравилось, и взяли, а у нас нет такого имени — Полтава».

— Да нет, — похоже, не впервые возражал ей Виктор. — Говорил я с твоими родителями. Русские были у вас в войну в доме. И у одного фамилия, что ли, похожая была... Или он из Полтавы был?

— Не знаю, — улыбнулась Поли.

Поли недавно приехала, но уже работала в здешней поликлинике детским врачом — зубным. А Буби ходила в сад. «Она у нас как мальчик, — говорила Поли. — Только первый день вела себя тихо — присматривалась, а на другой день уже подралась».

— С мальчишкой?

— Да. Он, говорит, меня не понимает. Я ему говорю, говорю, а он не понимает... Дочь полка, — вдруг добавила. — Избалуют ее здесь. Она одна тут на сто мужчин. Все гладят. Что-то будет? Избалуют.

...Костры гореть не хотели, и все время приходилось останавливать машины — просить солярку. Благо проходящих машин было много. Вся плотина, весь город — все было привезено сюда из Братска, вот по этой дороге. Она так и называлась — Братской, и болгары, с еще не притупленным чувством воспринимая корни языка, слышали в этом названии именно то, что и лежало в нем, но уже в такой глубине, которая утаивала этот корень от старожилов. А между тем по отношению к Усть-Илиму он был еще более справедлив, чем даже к самому Братску. Братск, как всякий город, рождался усилиями многих людей, которые хотели видеть эти усилия братскими и назвали их такими; сейчас же Братск действительно имел брата, причем брат этот был меньшим и звали его Усть-Илимом. Старший делился с ним самыми непоседливыми и деловыми людьми, которые приехали сюда еще тогда, когда здесь стояло всего с десяток домушек, прижавшихся к Ангаре, и продолжал ими делиться до сих пор; Братск опекал своего меньшего брата все это время, как это и должен делать брат в хорошей семье; и вот теперь Братск строил своего брата, стараясь выстроить его лучше и красивей, чем был сам. Говорили, что можно было бы построить бетонный завод и здесь, в Усть-Илиме, но при подсчете, а сюда входило и само строительство, и, главное, отыскивание профессионалов-специалистов, которые работали бы на этом заводе, выходило, что выгодней привезти весь город вот по этой самой Братской дороге, нежели затевать строительство здесь. И вот его везли.

Уже стемнело, и из той стороны, где в темноте почти в двухстах километрах отсюда скрывался Братск, вначале доносился легкий зуд — в морозной ночи он появлялся раньше света фар, потом возникал зыбкий свет фар, рыскающих при поворотах дороги в коридоре тайги (коридор-то и был доро́гой), и только потом с неистовым самолетным гудением к кострам натужно подползали одна за другой машины с бетонными блоками.

И костры и люди вокруг странно, наверно, выглядели для подъезжавших шоферов, хотя вся встреча задумана была, на мой взгляд, необычно и хорошо. Еще с утра два самосвала навозили сюда, к воротам города, дров, а приехавшие к вечеру люди сложили костры. И вот теперь, окружив их, ждали болгар, прислушиваясь к каждому новому гулу на дороге: «Они?» — «Нет, не они». — «Да где ж они пропали?!»

Дрова — огромные брусья — настолько пропитались морозом, что огонь полыхающей солярки, красно-черным шлейфом летящей в небо, только беспомощно лизал их. Наконец он проник в сосновое нутро брусьев, и с этой минуты костры стали пожарами — двумя огромными пожарами по обе стороны дороги.

И все-таки холодно было стоять возле них — лицо начинало гореть, а спина мерзла, и люди — кто медленно, иные быстрей — кружились на одном месте, как в диковинном ритуальном танце, а тени их позади были сплетены. Это был танец гостеприимства, которое хотели проявить и болгары, и жители города по отношению к тем, кто скоро попадет сюда впервые. Была во всей этой затее и маленькая демонстрация, как и всякая демонстрация, чуть показная, потому что и те и другие хотели показать новичкам с первого их шага здесь, что жить тут совсем не страшно. Кстати, считалось, что самые свирепые морозы в этом году уже миновали.

Морозы вспыхивали теперь лишь по ночам, и город появлялся утром весь в морозном тумане. Потом он розовел, подкрашенный холодным сиянием красного шара солнца — такого огромного, что странно было, что оно еще висит, а не падает под собственной тяжестью за горизонт. И здесь, в природе, была все та же недосказанность.

По крайней мере, утром реки не было совершенно. Вместо нее тек, как в гигантской открытой трубе, серого цвета туман. Не было и моста через реку, стоял лишь первый его бык — тот, который возвышался на берегу, и от него в темный туман реки уходил всего лишь кусок моста — уже висевший просто так, ни на чем. Как к черту в пропасть уходило все это, и туда же устремлялись машины — по недосказанному, недостроенному будто мосту — с фарами, едва различимыми в нескольких метрах... И леса — самого сокровенного смысла жизни города — тоже не было. Вместо него город окружало нечто совершенно белое, сотканное из чистого инея, и мороз гулял по этому ослепительному пространству.

Теперь, стоя у костра, я понимал, почему всех приезжающих сюда иностранцев интересует, в сущности, одно: почему люди едут сюда и почему не уезжают отсюда? Как правило, их не успевает даже заинтересовать, как люди здесь живут.

Так, корреспондент молодежного журнала «Млади свет» жил здесь, как он сам написал, несколько месяцев. «Что заставило молодых людей приехать сюда?» — вот что его интересовало.

Один из его героев, ветеран сибирских строек, монтажник, строил Тольятти, Красноярск, Братск. «Едут и не представляют, о чем идет речь, — говорил он. — Плохо представляют. А нужны специалисты».

Насчет специалистов очень верно. Я говорил с главным инженером лесопромышленного комплекса, и на мой вопрос, как идут дела со строительством, хорошо ли, он ответил с прямотой делового человека: «Как по маслу, думаете? Нет. Все идет очень тяжело. Стройка огромная. В семьдесят шестом году выполнили план. В семьдесят седьмом надо в полтора раза увеличить его. В полтора! Люди — вот главное. Нам не хватает на сегодняшний день (было 13 января) ни много ни мало две с половиной тысячи человек. Это проблема».

Что-то не едут болгары. Кто-то у костра шутит: «Наверно. их хорошо встретили в Братске...»

Наверно. И я, крутясь вместе со всеми в танце гостеприимства, вспоминаю все, что говорили мне о морозе болгары.

Очень удобное время вспоминать — спина и ноги мерзнут.

«Если вышел утром и нос сразу не слипся в сосульку, значит, не мороз».

«Мороз — когда едешь, а перед тобой вместо стекла вот такое пятнышко всего чистое — с рукавицу; остальное — льдина».

«Снег не скользит под ногами совсем».

«Человек идет ночью под домом — я на третьем этаже, не сплю, лежу. И слышу — будто он в комнате у меня идет, рядом с постелью — скрип, скрип, скрип...»

Однако, как говорят здесь с напором на «о», это все слова. Не холодно от них. Я подсел как-то к болгарину Тодору (фамилию его не могу разобрать до сих пор — записывал на морозе). Возили грунт к ЛПК — красивейшему, на белом снегу красному и громадному скелету будущей ТЭС. Из кабины только и заметил поразительную особенность всего этого строительства: все почти строится из теплых кабин — из кабин бульдозеров, кранов, машин...

— По-другому и нельзя, — говорит Тодор. В кабине у него все заклеено цветными картинками: зеленый луг в солнце; пляж и золотистого цвета люди; цветы; влюбленные — десятка полтора картинок и ни одной «зимней».

Ехали загружаться. Глубоко в котловане ворочался едва видный с поверхности экскаватор, мелькал лишь край ковша над снегом. Но дым? Страшный черный дым валил оттуда клубами.

— Пожар, Тодор? Он же горит...

— Ковш греет, — спокойно возразил Тодор.

— Зачем?

— Про машину, что ли?

— Конечно. Они таких не видели. Про дороги...

— А еще?

— Про лето. Знаешь здесь какое лето? — вдруг повернулся он ко мне, улыбаясь. — Был здесь летом?

Он улыбался и улыбался. И не говорил, какое же здесь бывает лето.

— Про город. Я приехал, когда здесь, на ЛПК, почти не было ничего. Тайга почти одна... Хорошо бы кто из моих мест попался, — добавил.

— А о чем не расскажешь, Тодор?

— Как?

— А вот так. Не расскажешь, и все. Промолчишь.

Тодор задумался так основательно, что я уж и не ожидал ответа. Видно, он старательно перебирал в уме все, стараясь отыскать что-то, чего нельзя было бы рассказать неизвестному напарнику.

— Все-таки все расскажу. Ладно? — уже смеялся он надо мной.

Костры пылают вовсю. Уже почти восемь, и ночь такая глухая, что тайга за спиной не высвечивается совсем.

А знают болгары про костры? Вряд ли. Виктор поехал встречать их в Братск, и он не расскажет — сюрприз должен быть сюрпризом. Помню, мой коллега донимал его: вот, дескать, пятьдесят ваших уехало, а полсотни-то осталось — зачем? Хватит, мол; романтики за год они вот так схватили, по горло; зарабатывают, прямо скажем, не ахти как, чего сидеть-то тут? Дома семьи.

Мой коллега сам прям и потому пристрастен к прямым разговорам. Или уж молчит. Но и Виктор прям, хотя и не любит вот таких вопросов: он знает, что при такой будто бы прямоте интересуются скорее не ответом, а отвечающим — ответ, мол, известен, а вот ты-то что скажешь?

— А сколько ваших здесь? — спросил в ответ Виктор. — Сколько знаю, квартиры в Москве, Ленинграде, Киеве, а они тут живут по десять лет.

— Наши понятно, — отмахнулся мой напарник. — Ваши-то зачем?

— Трудно односложно сказать. Во-первых, завод, который мы строим вместе, будет давать целлюлозу и в Болгарию, а это много значит. Потом — престиж. Даже перед уехавшими. А главное, пожалуй, что это не то что поглядел все времена года, и все, и доволен, это уже кусок жизни стал, а он чем основательней, тем лучше. Я вот даже уверен, что найдутся и такие, которые хотели бы остаться здесь до самого конца, до первой целлюлозы. Удастся вот только или нет.

— Едут! — нарочито громко закричал кто-то.

Как он догадался, что это были огни машин, в которых ехали болгары, не знаю, но это были именно они.

Автобусы встали. Болгары выходили из них и не знали, что же им делать. Смущенные, они шли к кострам, оглядываясь друг на друга. Видно было, что они не ожидали такой встречи. Но вскоре все смешалось. Уже нельзя было отличить приехавших и не ошибиться. Стали говорить небольшие речи. Приехавшим говорили, что Сибирь сурова и все же в ней живут, можно жить, нужно. «И у нас здесь тоже есть солнце», — сказал кто-то.

Плохо верилось в это вот здесь — на снегу, при свете костров, с кромешной и холодной темнотой за спиной, — город с огнями отсюда был не виден, только арка стояла, а на ней крупными буквами: УСТЬ-ИЛИМ.

Говорили, что сегодня тепло — «чуть за двадцать». Говорили о дружбе. У костра это выходило ненавязчиво и приятно.

Один из болгар взялся отвечать. Ему не хватало слов, но он все же сумел красиво сказать, что вот он не знал, не думал, что приедет к такому «большому огню». Медленно и старательно он выговаривал слова прямо в огонь, кипевший на снегу:

— Мы знали, что едем к друзьям, но чтоб так... Мы сделаем все. Все сделаем, — повторял он уже без улыбки. — И извините, пожалуйста. Я не могу говорить сейчас просторно, но мы сделаем. Вместе.

Усть-Илим, январь

— А он отваливается.

— Кто отваливается, Тодор?

— Да ковш... Когда за сорок, вот как сейчас, надо все время ковш подогревать. Пять-шесть машин загрузит и греет. У самого, вот тут, основания отваливается, — сгибает он кисть, показывая мне. — Я видел, переламывается, и все.

Потом я еще спрашивал его о чем-то. Кажется, о том, что он в подарок привезет домой, и он отвечал («отцу набор слесарный, инструменты; матери — серьги, она всегда, всю жизнь мечтала о золотых серьгах, а не получалось — не выходило, теперь привезу»), а представляется все тот ковш, который отваливается — «переламывается, и все».

Болгары еще где-то ехали и не знали, что уже распределены по машинам: неделю будут ездить как стажеры — и каждый приставлен к «старичку», только потом сядут на свой КрАЗ.

Тогда я спросил:

— Что ты своему будешь рассказывать, Тодор?

— А все, — не понял он.

«Старичок» был совсем мальчиком.

ГЭС в Усть-Илиме еще надо достроить, лесопромышленный комплекс построить, но город стоит уже прочно и надежно, радуя своих мальчишек холодом улиц и теплом домов.

ИЗ ПУНКТА *А* В ПУНКТ *Б*

И. ГОРЕЛОВ,
наш спец. корр.

— Тут неподалеку есть два села, — сказал мне Марио, мешая в короткой фразе английские, сербскохорватские и русские слова. Сам Марио, хоть и носил итальянское имя, был чистокровным венгром со знаменитой венгерской фамилией Папп. То ли ему показалось, что трех языков мало, то ли по какой иной причине, но он перешел на четвертый, родной, и обращался ко мне через переводчика. Переводчик был венгр, и звали его Борис. — Так вот, тут есть два села, — сказал Марио, — и они решили объединиться, съехаться — так им было удобнее вести хозяйство. Когда эти села — Меза и Сасквар — съехались, то их жители заспорили, какое имя оставить, а какое позабыть навсегда. Долго спорили, пока не решили оставить оба имени. Через черточку... Тогда заспорили, какое имя должно стоять первым...

— Ну и как решили?

— До сих пор спорят. Думаю, время их рассудит...

Я давно, еще летом, когда мы вместе ездили по «трубе» — гигантской совместной стройке СЭВ, газопроводу Оренбург — Западная граница СССР, заметил у Марио склонность «вылавливать» такие вот малозначительные на первый взгляд ситуации. Он поэт, выпустил два сборника стихотворений, и, может, поэтому ему больше по душе ситуации с неясным еще концом, заключающие в себе скорее движение, чем достижение цели. Разумеется, и результат важен, но когда он прорисовывается ясно и завершенно, то ситуация, в глазах Марио, теряет обаяние неведомого.

Как-то поздним вечером мы подъезжали к Будапешту. Наконец впереди и чуть ниже показались огни, тянувшиеся к горизонту.

— Подъезжаем к Будапешту, — порадовал я спутников, как радует гид притомившихся к концу долгого дня путешественников.

— Нет, это еще село, — сказал Марио и, обернувшись к водителю, продолжал прерванный разговор.

Через несколько минут огни потянулись уже рядом с машиной, но все так же вперед, уходя за горизонт покатой долины, шли высвеченные фонарями улицы и переулки.

— Наверное, это все-таки пригород Будапешта. Какое же это село? — не унимался я.

— Это самое большое в Венгрии село. Скоро его объявят поселком городского типа, — ответствовал Марио и снова углубился в беседу.

В той ситуации ему все было ясно. Она как бы закрылась для него, потому что движение, которое в ней было заключено,— то есть необузданный вроде бы рост села — вошло в рамки упорядоченной закономерности с предсказуемым положительным исходом — будет поселок городского типа. С теми же двумя селами дело обстояло похитрее, и будущие события — хотя и мелкие, конечно, — для любопытствующего, нескучающего ума обещали в широком смысле слова приключение...

Так вот, мы ехали из пункта Печ в пункт под названием Пакш. В Пакше мы были накануне и провели там весь дождливый день, переходя из одного кабинета управления стройки в другой, теперь же ехали туда, чтобы, воспользовавшись солнечной погодой, отснять необходимые кадры.

— А странно, Марио, — решив поддеть, сказал я. — Ты пишешь стихи и пишешь очерки о людях, а вчера на стройке почти все время выспрашивал о технике, о системе защиты от радиации, о деталях строительства...

— Так я же по образованию строитель и изучал строительное дело и архитектуру. Потом, так уж вышло, кончил факультет эстетики...

— И стал журналистом, и начал писать стихи... Стало быть, вчера был день воспоминаний?..

— Да как сказать? Все это как-то вместе у меня существует.
— Но теперь-то ты, как говорится, успокоился? Ведь это *твоя* профессия — журналистика и *твое* дело — поэзия?
— Несомненно. В этом я уверен, — горячо сказал Марио. Подумал. Наконец добавил: — Хочу, правда, медициной заняться... — Усмехнулся в бороду и, повернувшись к приятелю-фотокорреспонденту, сидевшему за рулем, продолжил разговор. Он любил разговаривать сразу с несколькими людьми.

Пока наши «Жигули» бодро мчались по шоссе, а за окном неспешно сменялись чистые, пастельные цвета убранных осенних полей, хорошо было думать о разных разностях. Например, об этой национальной венгерской страсти к передвижениям, перемещениям и переменам. Возможно, корни этой слабости «к перемене мест» уходят в далекое прошлое, когда предки нынешних венгров, оставив родные просторы, лежавшие где-то в районе Урала, прошли через всю Восточную Европу, чтобы четвертьмиллионным народом обосноваться на новом месте — в мягкой по климату, обильной лесами и лугами долине Дуная?.. Быть может, это серединное положение в Европе и не схожий ни с каким соседним язык воспитывали в венграх мобильность и постоянное внимание, соразмеренное с собственной национальной гордостью, к чужому опыту?.. И наконец, не время ли это, изменившее извечно сельскую и отсталую Венгрию, не новые ли это социальные условия, сделавшие Венгрию передовой в индустрии и культуре, сказались на подвижности каждого венгра? Ездили, впрочем, не только венгры, но и в Венгрию: до последней мировой войны среди богатых людей Европы и Америки было модным ездить в Венгрию, чтобы полюбоваться Хортобадьской степью с табунами диких лошадей и крестьянами в ярких национальных одеждах. Венгрия считалась образцовым заповедником отсталости.
— Слышишь, сейчас в «Последних известиях» передали, что в этом году в Венгрии уже побывало 10 миллионов туристов, — сказал Марио, приглушив радио.
— Меня успели учесть? — пошутил я.
— Вряд ли. Ты ведь только второй день. Наверное, завтра передадут, — ответил Марио.

Понятно, он тоже шутил, но в шутке была изрядная доля серьезности. В Венгрии к движению, и к туризму в частности, серьезно относятся: 10 миллионов туристов — это один турист на одного жителя страны. Настоящая индустрия.

Пакш — не то село-переросток, не то не сформировавшийся еще городок. Улицы неширокие, а то и узки — едва на две повозки. По центральной, впрочем, едут все больше автомашины. 14 тысяч жителей, консервный завод, швейные мастерские, одна средняя школа-гимназия на 200 человек, 500 членов коммунистического союза молодежи. Таков портрет сегодняшнего Пакша, каким его набросал секретарь горкома ВКСМ Лаци Шабо.

Впрочем, если быть точным, это уж Пакш вчерашний; дело в том, что неподалеку, в каких-то двух километрах, строится крупнейшая в Венгрии атомная электростанция, а рядом новый городок — Атомварош, Атомград. Разумеется, поначалу провинциальный Пакш воспринял новость о стройке с настороженностью — всю свою долгую многовековую жизнь тихий Пакш обходился «без атомов», но «теперь здесь гордятся тем, что именно у нас строят атомную электростанцию, — говорит Лаци. — Нам в Пакше незачем даже ждать окончания строительства, чтобы оценить его роль для городка. Уже сейчас на стройке работают пять тысяч человек, а будет около восьми. А это значит, что появится не только станция, но будет — и частью уже сегодня есть — новое жилье на 12 тысяч человек; причем таких домов вы раньше не могли бы здесь увидеть».
— Дома — это понятно. Мы и в старом городе видели новый универмаг, кафе...
— Добавьте клуб с дискотекой!
— И клуб с дискотекой... Ну а что у людей нового, у молодежи прежде всего?
— Прежде всего, просто новых людей много. Приезжают отовсюду, и в первую очередь из села. Вот наша, ну и руководства стройки, разумеется, первая задача: научить молодых ребят не только новой профессии, но и новой жизни — новому ритму, новому кругозору, новым отношениям, сохранив при этом в каждом лучшее, что в нем было.
— Лаци, ну а в твоей комсомольской работе появилось что-нибудь новое? И если да, то что?
— Я как-то об этом думал и пришел к такому заключению: другая стала сознательность. Раньше вот трудно было, как говорится, поднять народ на добровольное строительство, скажем, яслей или детсада. Теперь изменилось само мышление людей; теперь мы смело строим планы — вон, посмотрите, как будет выглядеть Пакш к восьмидесятому году, — и так же смело по этим планам строим...

В 1980 году, когда будут закончены работы на атомной, Пакшу исполнится 600 лет. Возможно, он даже более древен — Лаци похвастался, что дома у него лежит камень из бывшего когда-то в этих местах древнеримского поселения. Наверное, город, стоящий на восьми холмах, будет выглядеть тогда как на сегодняшнем плане: ничего сногсшибательного, но целесообразно и изящно. И люди в нем будут жить не какие-то новые и особые, а нормальные, деятельные и готовые к следующим новым переменам. Люди, достойные Атомвароша, который начинался в заштатном городке Пакш, который был известен всей Венгрии своей ухой, в которой, между прочим, кроме красного перца, попадается (сам тому свидетель) и рыба.

Дорога от Пакша спускалась к Дунаю, и с берега два города были прекрасно видны. Движение машины взаимно перемещало обе картинки, и вот, в какой-то момент они налегли одна на другую: из приземистого, разностильного и пестрого Пакша прямо по центру поднимались, будто стояли на холме, элегантные и строгие красно-белые жилые башни Атомвароша. При косых лучах заходившего солнца картина напоминала старую гравюру: так в средневековой Италии выглядели города-крепости. Наверху зáмок князя-феодала, внизу толпятся дома вассалов и горожан. Все лучшее, что рождали поля в округе и что производили ремесленники в городе, втягивал, не насыщаясь, зáмок, стоявший выше всех. Атомварош строится и потому по-своему тоже «втягивает» в свою орбиту людей и плоды их труда. Но тут аналогии кончаются. Тут движение взаимовыгодное.

Во всех языках изобретено много слов, обозначающих движение, перемещение. В словаре русского языка только слов с приставкой «пере» не один десяток. Каждый раз, когда случается у нас нужда в таком вот глаголе с «пере», мы не первое попавшееся слово выхватываем из своего словаря, а стараемся взять такое, в котором была бы видна и истинная картина того, что нового произошло с человеком и каково наше к этому событию отношение. В Будапеште на текстильной отделочной фабрике «Гольдбергер» (до войны хозяином предприятия был немец, «подаривший» фабрике свою фамилию. При народной власти название решили сохранить, так как оно давно стало торговой маркой, известной в Западной Европе) мы разговаривали с молодыми инженерами. Говорили о перемещениях, переездах, переменах, переваливаниях и перелетах — короче, о том, каких желанных изменений может ожидать молодой парень или девушка, переступившие порог фабрики, и какие условия, созданные государством и профсоюзом, обеспечивают счастливый результат этих перемен.

Анна и Каталина оказались несолидными инженерами, настолько хрупко, миниатюрно, по-девически выглядели обе. Не задавая некорректных вопросов о возрасте, я так и этак старался окольными путями уяснить, когда же они успели стать инженерами. Оказалось, успели, и институт кончили, и здесь уже по два года работают, пройдя по традиции за эти два года все рабочие профессии.
— А как же было с зарплатой в эти два года?
— Мы получали среднюю зарплату инженера.
— Ну а сейчас как, она выше? И, извините, вы довольны ею?
— Она справедливая. Не жалуемся.
— Вернемся к началу. Как вы попали именно на эту фабрику?

Оказалось, самым обычным способом: обе получили распределение в институте. Вообще же фабрика прилагает немало усилий по привлечению новых кадров, вплоть до рекламы на спичечных коробках и объявлений в газетах и по радио — в Венгрии объявления «Требуются» висят повсюду. Среди аргументов предприятия — не только известное имя и гарантия приличного заработка. Пожалуй, главными доводами стали возможности профессионального роста, которые оно предлагает. Если молодой человек поступает, не закончив школу, он имеет возможность сделать это на фабрике, пользуясь при этом дополнительным отпуском в 12 дней, а за успешное окончание — и определенной премией. Такими же благами пользуются и учащиеся техникумов. На фабрике существует также специальный фонд для тех молодых рабочих, которые после окончания годичных подготовительных курсов поступают в институты. Во время учебы эти студенты получают свою прежнюю зарплату.

«Социальный прогресс», возможность «социальной подвижки», то есть, говоря попросту, возможность для выходца из рабочей или крестьянской семьи получить образование, стать инженером, врачом или, скажем, юристом, давно признается важнейшим условием при оценке социальной справедливости общества. Но дело, разумеется, не в признании, а в том, существуют ли реальные условия для таких перемещений. В Венгрии, как и в любом социалистическом государстве, они очевидны. Реальная возможность распорядиться своим завтрашним днем благотворно сказывается не только на людях, но и на самом обществе, на его будничной жизни...
— Анна, вот мы все о работе и о работе... Давайте поговорим о том, что происходит, когда работа кончается. Знаете, есть ведь такие люди, которые считают, что жизнь начинается после работы?..

— Ну, среди молодых таких теперь, по-моему, и не сыщешь.

— И все же. Вот кончилась работа, можно сесть на автобус и поехать в центр — кафе, бары, километры нарядных витрин, кабаре, веселая публика, тысячи туристов... Заманчивая картина, не правда ли? Нетрудно представить, какое впечатление производит этот блеск на молодых ребят...

Анна улыбается:

— Для нас скорее проблема телевизор... Так, по крайней мере, мы считаем. Впрочем, я понимаю, что вы хотите сказать. Не сводится ли феномен роста уровня жизни к расширению лишь круга пусть невинных, но пустых удовольствий. По-моему, с ростом уровня жизни растет не только количество предметов, окружающих человека, но и количество книг, количество друзей. Что же до развлечений, то их и в нашем районе немало: и бары, и кино, и Дворец культуры. Два раза в неделю дворец передают нам, молодежи фабрики.

В тот же вечер мне удалось посмотреть молодежный клуб БКВ, клуб, принадлежащий молодежи управления будапештского транспорта. Понятно, что отделы, конторы и парки этого управления разбросаны по всему городу: ведь в нем объединены столичные речники, водители и служащие автобусных, троллейбусных, трамвайных парков и метро. Всего на предприятии работают 26 тысяч человек, 10 тысячам из них нет еще тридцати, а 3 тысячи 600 человек являются членами ВКСМ. Клуб, носящий имя «венгеро-советской дружбы», невелик — на 120 человек, и, ясное дело, не может удовлетворить всех, да он и не единственный — их в городе шесть.

Клуб расположен в центре Будапешта, в подвале и впечатление производит скромное. Помимо раздевалки, в нем три помещения: бар с площадкой для танцев и десятком столов вдоль стен (это самое большое помещение оснащено стереодинамиками и устройствами для световых эффектов; в баре — кофе, пиво и некоторые напитки, потребляемые в символических дозах); далее следует сводчатый зал кафе, где за шестью столами можно посидеть компанией за нехитрым ужином; и наконец — маленькая комната, где стоит пара игровых автоматов. Есть, правда, еще две комнатушки — радиоузел, сложное хозяйство с магнитофонами, проигрывателями, микшером и прочими устройствами, позволяющими давать различные программы в разные залы, накладывать на музыку голос и т. д.; и комнатка правления клуба. Вот в ней мы и разговаривали с председателем совета клуба Ласло Чиню. Ласло не испортил впечатления о современном и многочисленном племени венгерских любителей перемен. Как выяснилось, раньше он работал в БКВ, точнее в метро, техником. Теперь вот освобожденный от других дел председатель совета.

— И не жалко прежней работы, профессии, которую вы получили? — с этого вопроса и начался разговор.

— Я с профессией и не расстался: микшер, который вы видели, я сам собрал. И новое дело мне по душе; я даже начал пробовать себя в качестве диск-жокея.

— Из метро в диск-жокеи!.. Ну, хорошо, мы, если вы не против, до диск-жокеев еще доберемся, а пока расскажите про клуб.

— В 1970 году здесь был угольный подвал. Мы его нашли, мы и уговорили районные власти передать его нам. За три месяца, это 5 тысяч часов общественной работы, мы привели подвал в тот вид, который вы видели. Большую финансовую помощь на обзаведение — прежде всего радиоаппаратурой — нам предоставило предприятие. Мы и сейчас получаем материальную помощь, потому что клуб — заведение абсолютно не финансовое. Даже бар и кафе не дают нам никакого дохода, они принадлежат соответствующим торговым организациям.

С 1974 года клуб носит имя «венгеро-советской дружбы»;

ССМ ПОДПИСЫВАЕТ ДОГОВОР...

Б. СЕНЬКИН,
наш спец. корр.

При входе в один из корпусов химического комбината «Каучук» под Прагой недавно появилась надпись: «Здесь работают члены ССМ». Рождению молодежного коллектива предшествовал период напряженной, но и интересной работы всей организации Социалистического союза молодежи Чехословакии на комбинате. Она держала — и выдержала — настоящий экзамен на зрелость. Ибо ей было доверено дело необычайно важное и трудное...

Комбинат остро нуждался в квалифицированной рабочей силе: постепенно осваивался новый цех, подходила к концу реконструкция другого. Чтобы как можно быстрее пустить в ход реконструированный цех, предстояло перебросить в него весь состав цеха «Полистирен-1» (сокращенно — ПС-1), а этот последний укомплектовать заново, не прерывая и не снижая производства. Рассчитывать на добор рабочей силы со стороны не приходилось; следовало, как это ни сложно, изыскать собственные резервы.

К участию в обсуждении этого трудного вопроса дирекция и парторганизация пригласили и комитет ССМ. И когда наконец решение было найдено, его оформили договором. «Заинтересованные стороны» представляли директор «Каучука» Венцл и председатель комитета ССМ Бржейник. Кстати, это повсеместно распространенная практика в деятельности ССМ — заключать договоры о конкретных взаимных обязательствах с администрацией или общественными организациями.

Дирекция комбината отвечала за бесперебойное обеспечение цеха ПС-1 сырьем и техническое состояние оборудования. ССМ же обязался подобрать добровольцев — 37 человек — по другим цехам, организовать их переобучение во

присвоено оно было по инициативе нашей комсомольской организации: мы сочли, что к тому времени достигли определенного уровня. То есть наши программы — встречи с артистами, политическими деятелями, журналистами, художниками, режиссерами и учеными, конкурсы, наконец, двухразовые в неделю дискотеки — стали пользоваться постоянной популярностью. У нас регулярны встречи и с советскими людьми, особенно с молодежными делегациями, приезжающими по «Спутнику». Недавно здесь был отряд бамовцев.

— Итак, если коротко определить, каковы цели клуба?

— Клуб — это место отдыха молодежи нашего предприятия (чтобы попасть сюда, достаточно служебного проездного билета). Это место, где ребята хорошо и свободно, по-семейному себя чувствуют.

— И все же, Ласло, не странно ли это: ходить по вечерам в клуб, чтобы увидеться с людьми, которых видел днем?.. Может, тут играет свою роль то, что клуб необременителен для кармана молодого рабочего?..

— Может быть... Но не это главное. Главное, на чем мы стоим, это домашняя, предельно дружеская обстановка; здесь легко самому застенчивому — потому что здесь не парад мод, не место, где человека судят по одежке, наконец, здесь нет никакой торжественности, невольной, скажем, в театре, концерте или даже большом Дворце культуры. Здесь все свои, и именно вместе, это они сами выяснили, им хорошо.

(Небольшое отступление: позже, в баре, я разговаривал с Дюлой Неметом, который работает в отделе культуры Будапештского горкома комсомола; мы оказались за одним столиком. Мне любопытно было узнать, каков взгляд на такие камерные, «семейные» клубы человека, знакомого с ними, так сказать, «сверху». Дюла понял меня сразу, сказав, что начинать работу по организации таких клубов (это сейчас-то их 510) было непросто. Многие не видели особого смысла в них — в конце концов, ведь есть же Дворцы культуры, а для танцев достаточно кафе, баров, дискотек. «Слово-то какое иностранное — «клуб», — передразнил кого-то Дюла. — Но прошло уже больше пяти лет, и можно сказать, что клубная жизнь в Будапеште налажена. Чем она ценна в наших глазах? Тем, что помогает молодому человеку чувствовать себя на своем месте; понимаете, ему здесь хорошо — значит, ему будет хорошо и на работе, значит, вообще будет лучше жить — спокойнее, увереннее, веселее. А жить с товарищами, да еще при этом хорошо жить, — что может быть лучше. И не комсомольская ли это забота!»)

— Ласло, вернемся к вашему новому увлечению. К диск-жокеям.

— Вообще-то это хобби. Профессиональные диск-жокеи у нас обязательно заканчивают специальные курсы. Но, понимаете, дискотека, на мой взгляд, лучше и полезней любого концерта. Разумеется, дискотека — это развлечение, но диск-жокей, как я понимаю, — это воспитатель. Воспитатель вкуса, в том числе вкуса к самопроявлению, самовыражению. А когда это случается в зале, то тогда вместо толпы появляется общество, коллектив.

Вообще-то, если вдуматься, это и есть тот доход и та цель нашего клуба, о которой вы спрашивали. Мы действительно хотим, чтоб у каждого молодого человека появился стимул к тому, чтобы он остался в нашем коллективе, на нашем предприятии...

Впрочем, я уже не раз имел возможность убедиться в том, что, и оставаясь патриотом какого-либо рабочего, журналистского или какого иного коллектива, молодые венгры не теряют своей склонности к движению, к перемене ежедневной ситуации. Это и не во вред патриотизму, и на пользу себе и обществу.

Будапешт — Москва

внеурочное время и их силами произвести в 1976 году запланированные для ПС-1 6 тысяч тонн вспененного полистирена.

Доверие воодушевляет, и молодежь комбината, взяв на себя ответственность за судьбу целого цеха, готова была работать сверхурочно и без дополнительной оплаты за товарищей, уходивших в ПС-1. Впрочем, дирекция решила по-своему и выделила для поощрения инициативы ССМ премиальный фонд, 35 тысяч крон. «Мы не просили премий, мы же не ради них старались, для нас главное было — договор выполнить», — говорят «каучуковцы». Но не помешали премии? «Нет, — смеются, — не помешали».

Договор они выполнили — дали обещанной продукции на сумму в 40 миллионов крон. Идея «цеха ССМ» оправдала себя полностью.

Таков один из примеров, судя по которому каждый может оценить то, какое доверие оказывается Социалистическому союзу молодежи Чехословакии коммунистической партией и государством и как на это доверие откликается молодежь. Дело, разумеется, не только в 40 миллионах крон, хотя и они реально важны. Молодые рабочие почувствовали вкус к решению сложных производственных проблем, ощутили «в чистом виде» свой вклад в общенародную экономику; в одних, наверное, проснулось, в других окрепло хозяйское — на социалистический лад — чувство ответственности за свой участок, свой цех, свой комбинат, свою работу.

Молодая душа, естественно, тянется туда, где могут поручить настоящее дело, где можешь попробовать себя, — в союз молодежи. Поэтому наши чехословацкие друзья основной упор делают на конкретность и осязаемую отдачу инициатив, проводимых под эгидой ССМ. «Работа с молодежью, — говорил на XV съезде Коммунистической партии Чехословакии Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Густав Гусак, — не терпит шаблона, формализма, фальшивой морализации; она

Для себя, своими руками... Такие акции ССМ, как «Зет» и «Бронтозавр», — это новые Дворцы пионеров и молодежи, это забота о природе и памятниках старины, это и выбор будущей профессии.

требует терпения и чуткого подхода, умения подойти к молодому человеку... Мы будем заботиться о том, чтобы молодежная организация... могла своей многогранной и интересной деятельностью, которая отвечает потребностям и увлечениям молодых людей, оказывать влияние на все более широкий круг юношей и девушек, чтобы она развивала их интерес к политической и общественной жизни, к культуре, помогала формировать их социалистический образ жизни».

Результаты этого подхода говорят сами за себя. Воссозданный в 1970 году как единая добровольная общественная организация, ССМ вырос в союз, насчитывающий около 1,4 миллиона членов плюс резерв — 1,5 миллиона пионеров. В конце января в ССМ завершился обмен членских билетов, в ходе которого состоялись индивидуальные собеседования с каждым членом союза. Эти собеседования показали, что именно в рядах ССМ молодежь находит наилучшее применение своей жажде деятельности.

Да, в ССМ каждому находится дело по душе. Но когда я спросил о самых популярных акциях союза, мне в первую очередь назвали «Зет» и «Бронтозавр».

«Зет» (по первой букве слова «звелебовани» — улучшение, украшение, совершенствование) — это добровольная и безвозмездная работа в свободное время. Собственно, в этом движении, начатом еще в 1948 году по инициативе Клемента Готвальда, ССМ выступает как партнер других партий и организаций Национального фронта, но партнер особенно деятельный и инициативный.

Мне довелось увидеть несколько готовых объектов «Зет» в старинном восточночешском городке Ново Место. Показывая их, председатель новоместского комитета ССМ Владимир Ракосник не скрывал гордости: «Что, нравится кинотеатр? А Дворец пионеров и молодежи?» Действительно, полюбоваться было на что. Но неужели все это (да еще два стадиона, причем один с искусственным льдом) возникло только на энтузиазме семисот новоместских членов ССМ? Ведь нужны специалисты, инженеры, архитекторы, опытные бригадиры, стройматериалы, наконец.

«Все правильно, — соглашается Владимир, — все так и было. По трехстороннему договору между городским национальным комитетом, горкомом Национального фронта и горкомом ССМ мы брались поставить рабочую силу. Остальное — проектирование, организация работ, монтаж сложного оборудования, — естественно, было заботой городских властей. Но если б не акция «Зет», когда бы еще бюджет нашего города осилил расходы на такие объекты... А так — деньги понадобились только на стройматериалы. Квалифицированными специалистами и транспортом нам помогли рядом расположенные заводы и фабрики. Агитировать людей не приходилось: строили же для себя. И хотя работали безвозмездно, но, во-первых, теперь людям есть где и отдохнуть, и спортом заняться. Получается, что отдача вполне ощутима. Во-вторых, сколько молодежи по ходу дела освоило строительные специальности! Тоже прямая выгода. И наконец, третье, для нас очень важное. Возрос авторитет нашей организации. К нам потянулись и те, кто еще был в стороне. Увидели, что мы слов на ветер не бросаем, доводим начатое до конца».

Я спросил Владимира о «Бронтозавре». «Эх, жаль, зима сейчас, — сказал он. — У нас же улицы обсажены розами. Надо видеть эту красоту! Вытянуть все посадки в одну линию — двадцать два километра! Дело рук местного штаба «Бронтозавр».

...В кабинете главного редактора журнала «Млади свет» Ольги Чермаковой один угол занимает... бронтозавр. Забавный, пучеглазый (вырезанный из картона, в человеческий рост).

— Однажды наш художник Володя Иранек, — рассказывает Ольга, — нарисовал такую картинку: заводские трубы, копоть, и сидит тоскливый бронтозавр. Подпись: «Бронтозавр этого не пережил». А мы как раз решили развернуть кампанию в защиту окружающей среды. Не хватало только символа. Вот и родили «бронтозавренка». Теперь он у нас крепенький, улыбается. Есть отчего.

И правда есть. В операции «Бронтозавр», начатой в 1974 году редакцией журнала и переросшей в постоянное движение, участвуют сегодня тысячи и тысячи людей по всей Чехословакии. Прежде всего, конечно, члены ССМ и пионеры.

Операция «Бронтозавр» приобрела понастоящему государственный размах. В штабы и комиссии «Бронтозавра» на местах входят представители народной власти, научно-исследовательских институтов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, различных общественных организаций. Но все нити «операции» сходятся к Социалистическому союзу молодежи. Акции союза, «Бронтозавр» в том числе, популярны и пользуются поддержкой всего населения потому, что они своевременны, хорошо обдуманы и приносят ощутимый практический результат.

...Районный штаб «Бронтозавра» в Угерском Градиште подготовился к выполнению задания по теме «Проверка чистоты вод в районе» заблаговременно. В назначенный час почти все, к кому обратился штаб, были на местах. Некоторым из них пришлось для этого взять на работе день за свой счет. В течение 13 часов в 27 точках на берегах рек «бронтозавровцы» — школьники, рыбаки, лесничие, работники Красного Креста, работники городского национального комитета, и стар и млад, можно сказать, — одновременно, каждые полчаса, брали пробы воды. Телефоны в штабе трезвонили не переставая. Поздно ночью «Бронтозавр» имел все собранные данные. Опираясь на них, национальные комитеты продумали новые меры по ликвидации отбросов и очистке сточных вод; ведомство, занимающееся водным хозяйством, получило материал, побудивший его пересмотреть ставки штрафов, налагаемых на загрязнителей рек.

Всего штаб «Бронтозавра» в Угерском Градиште разработал для себя на ближайшее будущее 25 тематических заданий: составление карт растений и животных, находящихся под охраной государства, регистрация мелких зеленых массивов, посадка деревьев и многое другое.

Зима, понятно, не лучший сезон для знакомства с операцией «Бронтозавр». Но, впрочем, настоящие «бронтозавровцы» не бездействуют и в это время года: они, выражаясь языком специалистов, заняты камеральными работами — анализом и систематизацией данных, собранных в полевой период, то есть летом, и подготовкой к новому сезону. Я листаю один такой труд — пухлую папку с отчетами о научной работе, проделанной участниками трудового лагеря для школьников-старшеклассников «На Звиретицах», перебираю стопку фотографий. За окном тяжело, отвесно падают липкие мокрые хлопья снега, на столе передо мной оживают сценки из увлекательной, судя по всему, работы лагеря. «Это мы восстанавливаем осыпавшийся древний колодец во дворе замка, — поясняет мне один из наставников ребят, молодой ученый-ботаник из Института охраны природы и памятников архитектуры Вацлав Петричек. — Докопались уже до 18-метровой глубины, нашли много интересных фрагментов керамики. И даже сделали маленькое открытие — обнаружили нигде ранее не описанную нишу в стене, три с половиной метра в длину и два в высоту. По-видимому, она служила холодильником для вина, пива, напитков».

На других снимках — парни и девчата расчищают лес. Оказывается, они взяли на свое попечение и несколько близлежащих заповедных участков. «Ребята прикоснулись к настоящей научной работе, поняли, какого кропотливого труда она требует, — говорит Вацлав Петричек. — Может, многие из них теперь сделали выбор будущей профессии».

В таком деле, как забота о природе, сухо экономическая оценка результатов не годится, да и вряд ли возможна. И все же, говорили мне специалисты, народнохозяйственный эффект от операции «Бронтозавр» весьма ощутим. Но, конечно, это не все, тут же добавляли они, вы бы поглядели на них, на ребят из «Бронтозавра», сколько радости приносит им эта работа. Каждый из них начинает ощущать собственную ценность в обществе и личное касательство к тому, мимо чего он раньше, может быть, прошел бы равнодушно.

В нынешнем году в работе Социалистического союза молодежи Чехословакии чувствуется особенный подъем. «В честь 60-летия Великого Октября и II съезда ССМ обязуемся...» — этими словами начинаются многочисленные послания молодежных коллективов, поступающие в ЦК Социалистического союза молодежи. К своему съезду, который состоится этой осенью, ССМ идет выросшим, организационно окрепшим, уверенным в своих силах.

В центральном холле юридического факультета Карлова университета в Праге высечены на мраморе ленинские слова: «...школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие». Правота этой мысли и ее актуальность для любого времени и любой страны подтверждена самой жизнью. И Социалистический союз молодежи Чехословакии, выводя в зрелую общественную жизнь юношей и девушек — не только школьников и студентов, но и всю молодежь в целом — и прививая им понимание и любовь к ценностям социалистического общества, делает самую что ни на есть нужную для страны политику. Поэтому он и вырос в массовую, эффективную, всеми уважаемую, марксистско-ленинскую организацию, которую коммунисты Чехословакии назвали на своем последнем съезде соратником КПЧ.

Прага — Москва

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Вирджинио БЕТТИНИ, Фабрицио КАРБОНЕ,
итальянские журналисты

Война во Вьетнаме отличалась одной особенностью в сравнении со всеми предшествующими войнами: она была направлена не только против человека, но и против всего живого. Чтобы нанести удар по человеку, американские войска пытались, применяя беспрецедентные по своей мощности средства, уничтожить окружающую среду. Эта операция себя не оправдала. Но зато она оставила глубокие следы, которые сейчас пытается устранить народ, полный решимости одержать победу и в этой битве, как он уже одержал победу в войне.

Примерно через полтора года после прекращения боевых действий мы проехали по пострадавшим районам страны и познакомились с методами, с помощью которых Вьетнам залечивает раны, нанесенные страной с самыми развитыми в западном мире наукой и техникой.

У нашего гида есть дочь. Зовут ее Тханг, что по-вьетнамски означает «победа». Она родилась четыре года назад в ханойском бомбоубежище во время налетов американских бомбардировщиков Б-52. Таких воспоминаний сегодня у каждого вьетнамца множество; у каждого из них, занятых восстановлением домов, дорог, вокзалов...

Город Винь почти полностью был разрушен американскими бомбардировками, но имеет на своем счету 120 сбитых самолетов противника. Винь стал символом жизнеспособности вьетнамских традиций...

Колючая проволока торчит из тихих вод лагуны; воздух тяжелый, пропитанный то ли испарениями моря, то ли запахом разложения и гнили. Бывшая американская база в Тань Ми сегодня необозримая свалка. В последние дни перед тем, как окончательно рухнул режим Тхиеу, на эту базу в надежде на спасение морем сбежались тысячи солдат марионеточной армии. Здесь после окружения базы они и сдались.

Мы идем по толстому слою гильз. В дулах застывших навеки танков еще торчат снаряды, в пулеметах еще полные диски, рядом неразорвавшиеся гранаты, противогазы, остовы сгоревших «джипов» — монументальный памятник агрессии.

Чуть дальше — казармы, бункера, ангары для вертолетов, разорванные мешки с желтым и белым песком. И снова танки, грузовики... Тишина невыносимая. Лишь вдали видны медленно передвигающиеся, склоненные к земле фигуры женщин. Они ищут снаряды, которые еще могут убить и порой убивают неосторожных, напоминая о войне.

На горизонте блестит вода, видны паруса лодок, а ближе к берегу и рядом с дорогой бредут по полю быки, смеются дети, несут в корзинах на коромыслах свою поклажу женщины, и торчит из болота, как затонувший доисторический монстр, отживший свое танк...

Ухоженная и обработанная земля, яркая зелень поднимающегося риса, блики в воде, черные неторопливые буйволы, на спинах которых устроились мальчишки, красные знамена с золотой звездой — так выглядят сегодня пять

километров, когда-то считавшиеся демилитаризованной зоной, больше известной под именем «семнадцатая параллель»; зоны смерти, завывания бомб и рева сверхзвуковых самолетов. Река Бен Хай, когда-то служившая границей между Севером и Югом, здесь широка и покойна.

За новым, построенным вместо разрушенного мостом мы видим школу. Она сооружена в 1975 году. Как раз кончились занятия, и ребята выскакивают возбужденные и какие-то праздничные. У каждого на шее красный галстук, в одной руке яркий портфель из пластика, в другой — чернильница; пальцы — в фиолетовых пятнах. Они смеются и что-то кричат нам, тянут руки, чтобы поздороваться, и тут же, едва прозвучали гудки их автобуса, срываются с места, берут его штурмом, и он, будто в гонке участвует, включает предельную скорость...

Дорога № 1 — это великий театр восстановления Вьетнама. На коротком отрезке от Ханоя до Тханьхоа вся поверхность дороги устлана рисовой соломой, так что колеса грузовиков невольно превращаются в молотилки. Мы видели, как тысячи девушек в черных подвернутых брюках лопатами строят плотину, как они передают друг другу плетеные корзины с глиной. Мы видели общество, у которого не хватает энергетических мощностей, но которое способно воодушевить людей на восстановление родины.

Участие женщин в общественной и экономической жизни страны началось отнюдь не вчера. Весь Вьетнам помнит образы женщин, ставших символом народа: это Куант Хай и Минь Хай, которые были среди основателей Партии трудящихся Вьетнама (на IV съезде переименована в Коммунистическую партию Вьетнама. — Ред.) и вошли в состав ее первого Центрального Комитета. Минь Хай, секретарь Кохинхинской партийной организации, была делегатом VII конгресса Коминтерна, где она рассказала о роли и положении женщин в Индокитае. Сейчас положение, конечно, совсем не такое, как в те годы. Вот немного статистики. 43 процента женщин заняты в государственном секторе, это во много раз больше, чем, например, в 1954 году; 33 процента технических специалистов и квалифицированных рабочих — женщины. Они составляют 40 процентов студенчества. И опять же женщины трудятся на таких деликатных фронтах объединения Севера и Юга, как перевоспитание лиц, занимавшихся при неоколониалистах деятельностью, неприемлемой для нового Вьетнама. Женщины составляют 33 процента депутатов Национального собрания, 40 процентов депутатов народных советов; 7 тысяч женщин — председатели сельскохозяйственных кооперативов.

Две трети жен солдат, сражавшихся в рядах Народной армии и в ряде случаев все еще несущих службу на Юге, были награждены орденами и медалями за активное участие в движении «Три ответственности», организованном в 1965 году, — обеспечить производство, взять на себя полную заботу о семье и быть готовыми служить фронту.

Если согласиться с мнением, что положение женщины — лучший показатель социального развития общества, то в этом отношении страна, победившая во много раз превосходящего в силе противника, превосходит его и совершенством своей общественной организации.

Мы побывали в Хюэ и в Дананге на двух фабриках. Текстильная фабрика в Хюэ — это одно из 11 промышленных предприятий, созданных для ликвидации безработицы среди женщин из южной части республики. Около 200 девушек от 16 до 25 лет разрисовывают ткани цветочным орнаментом по трафаретам. Многие из них занимаются на курсах и в школах, где можно получить

профессию. Так, например, после шестимесячного обучения можно стать лаборанткой, технологом или каким-нибудь еще квалифицированным специалистом. Ковровая фабрика провинции Куангнам — в Дананге — гораздо больше. Здесь работают 850 человек. Каждый час — 5 минут гимнастики и физических упражнений на большом дворе фабрики.

В кооперативе под Ханоем мы убедились, как много делается для восстановления и развития сельского хозяйства. Здесь выращивают рис, разводят в прудах рыбу, есть свиноводческая ферма, ремонтные мастерские. Крестьяне занимаются и ирригацией земель, чтобы увеличить посевные площади.

Председатель кооператива с большим энтузиазмом показал мне данные за 10 месяцев 1976 года: 28 тонн рыбы, 74 тонны свинины и 550 тонн овощей. Такое количество продукции было поставлено государству. К этому следует добавить ту часть продукции, которую кооператив оставляет для удовлетворения своих потребностей в продовольствии: 5 процентов всей обрабатываемой площади распределяются среди членов кооператива для индивидуального пользования.

Ускоренное развитие сельского хозяйства во Вьетнаме считают первоочередной задачей. Сельское население Юга сократилось с 1965 по 1972 год с 80 процентов общей численности населения до 35—40 процентов. Это сокращение было насильственным, а отнюдь не добровольным. Американцы хотели превратить вьетнамскую деревню в пустыню, или, как они выражались, «вылить воду из аквариума, чтобы рыба подохла».

До американского вмешательства Дананг, к примеру, насчитывал 60 тысяч жителей. 29 марта 1975 года, когда освободители вступили в город, в нем жил миллион человек, занятых обслуживанием американской базы и ее огромного гарнизона. За полтора года, прошедших со дня освобождения, полмиллиона мужчин и женщин вернулись в родные деревни или в «новые зоны экономического развития». Дело возвращения, совершенно добровольного возвращения, людей к земле стало важной политической кампанией. К тому же примерно 3 миллиона солдат марионеточной армии, в основном недавние крестьяне, обманутые антинародным режимом, должны получить работу. Объединенный Вьетнам сейчас направляет все силы на восстановление 13 тысяч квадратных километров земель, подвергшихся обработке дефолиантами, а также земель, пострадавших от войны. На них будут созданы кооперативные хозяйства, которые помогут решить вопрос с безработицей — тяжелым наследием хозяйничания неоколониалистов и их марионеток. Кроме того, таким образом будет достигнуто территориальное равновесие в распределении сельскохозяйственных культур.

Кооперативы, которые возникают в южных провинциях, получают финансовую помощь от государства. Новоселы получают денежное пособие и продукты питания до первого урожая, обеспечиваются орудиями труда. На государственные средства строятся дома, колодцы. Вместе с новоселами-земледельцами едут учителя, медицинские работники.

Новые экономические районы позволяют также восстановить промышленные предприятия, обрабатывающие местную продукцию. На Юге существовали сахарные заводы, которые перерабатывали патоку, импортировавшуюся из США, бумажные фабрики, которые использовали японскую целлюлозу, — и это в стране джунглей и плодородных земель. Текстильные фабрики изготовляли ткани из синтетического волокна, доставляемого с Тайваня, из Японии и США, в то время как плоскогорья Вьетнама, кажется, самой природой предназначены для выращивания хлопка. Новые экономические зоны, несомненно, помогут изменить облик Юга республики, изуродованный господством американцев и внедрением американских товаров.

Такова картина развития нового Вьетнама, который не сосредоточивает свое внимание на страданиях, причиненных войной, а делает упор на восстановление родины, развитие сельского хозяйства, легкой промышленности, создание тяжелой промышленности, чтобы стать в будущем индустриально-аграрной страной, как это и намечено на IV съезде Коммунистической партии Вьетнама.

„ГАБЕН — ЭТО НАША ЖИЗНЬ"

Среди множества слов, отточенных формул, подготовленных экспромтов и спонтанных реплик, изъявлений печали и воздаяний должного случайным человеком с улицы было сказано такое: «Габен — это наша жизнь». Сказано о человеке, казалось бы, в жизнь особо не вмешивавшемся, — имеется в виду жизнь реальная, событийная; в конце концов, он был «всего лишь» актером, лицедеем, доля которого даже в создании экранной жизни относительно скромна в сравнении с замыслом писателя, придумавшего интригу, и трудом режиссера, облекшего эту интригу в зримую плоть. И все же прав был безымянный француз, сказавший «Габен — это наша жизнь», и не случайно этот глас народа утвердился в заголовках статей, лишая их поминального перезвона и вызывая в памяти публики лицо — тысячи лиц — артиста, прожившего в кино жизнь своего поколения.

Когда Габена не стало, возник повод для ретроспекций, их появилось такое множество, что один из критиков даже воскликнул: «Не присутствуем ли мы при рождении «мифа Габена»?»

«Можно побиться об заклад, что теперь попытаются нажиться и на нем. Телевидение запустит его картины целыми сериями, в ход пойдут инструменты мини-потребительства, какой-нибудь дошлый эксперт по массовой культуре объяснит секрет его успеха. Операция «Богарт», операция «Мерилин Монро» и операция «Джеймс Дин» готовы повториться и по отношению к Жаку-Алексису Монкорже, более известному под именем Жана Габена, актеру кино, скончавшемуся недавно в возрасте 72 лет».

«Миф Габена» — но почему только сейчас, а не давным-давно? Ведь в кинематографе не судьба выбирает себе обличье, но личность определяет судьбу. Между тем уже добрых сорок лет назад он стал законченным явлением — в кино ходили «на Габена». Уже тогда он актер номер один французского кино, его именем открываются фильмы и афиши — до того, как появляются названия картин. С того времени (и до последних дней!) опросы зрителей давали устойчивый ответ: «Любимый артист? Габен».

В чем же дело? Почему при всей популярности Габен не стал кумиром, повторенным в бессчетном количестве экземпляров?

Кинематограф завораживает магией внушения. Здесь все играет на запечатление — и темнота зала, и азарт коллективной реакции, и отождествление себя с героем, растворение в его образе. Но этого мало для рождения мифа.

Говорят, что операции по созданию потребительских мифов лучше удаются с американскими продуктами и американскими героями. Действительно, за океаном молодые клерки ходили походкой Хэмфри Богарта и старательно копировали его маску «тертого парня»; девушки округляли рот, как Мерилин Монро, и, отпуская товар в универмаге, благодарили клиентов ее страстным, с хрипотцой шепотом; заносчивые мальчики в куртках Джеймса Дина улыбались смутной улыбкой и были готовы в любую минуту взорваться ненастоящим гневом.

Но у старушки Европы тоже были в колоде козыри. По городам и весям всех континентов она делегировала дублерш Брижжит Бардо, а позже сразила наповал целое поколение вирусом битломании (не забудем, что прически и куртки «битлов» разнес по свету кинематограф; живыми их видели считанные тысячи).

Габена знали все. Габену не подражал никто. Не появилось клетчатых кепок Габена, не появились люди — молодые и не очень, — которые бы поджимали губы, как он, и говорили бы почти невнятно (Габен подавал реплики на грани различимости). Неподражаемый? Но чем больше «оригинальности» в актере, тем сильнее подсознательная тяга зрителей походить на своего кумира.

В стремлении подражать заключено зерно нормальной человеческой реакции: пока дорастают до взрослости, примеряют к себе немало чужих манер. Однако связь между экранным персонажем и его жизненным двойником не столь прямолинейна. Примером для подражания становится лишь тот образ, который вбирает в себя нечто еще не выраженное, но уже витающее в воздухе. Точное угадывание этого «нечто» означает попадание в болевую точку поколения. Навязать типаж нельзя. Его можно собрать по кусочкам, по пылинкам, и уж потом, окрашенный внешностью героя, он становится предметом для подражания.

Герой доигрывает до конца те смутные импульсы, которые бередят душу и сознание человека, поэтому, увидев на экране *свое*, сокровенное, он испытывает величайшее освобождение, желание действовать и вести себя как тот, экранный образ.

Случай Габена оказался особым. Вот как

определял его видный критик французского кино Андре Базен:

«Звезды кинематографа — это не просто комедианты или артисты, пользующиеся предпочтением публики, но герои легенды или трагедии, «судьбы», с которыми сценаристам и режиссерам сознательно или бессознательно остается только соразмеряться. Иначе прервется чарующая связь между актером и зрителем...

И не странно ли, что торговый закон «хэппи энда», велящий принаряжать «грустные» картины и пришпиливать им накладные фальшивые концовки, — не странно ли, что этот закон вдруг отменен, когда дело касается одного из самых популярных и самых симпатичных зрителю актеров, кому мы должны бы всякий раз желать, чтобы он был счастлив, женился и наплодил детей? Но публика, которая вообще-то сглатывает столько фальши, которую бывает так легко провести, на сей раз тотчас бы почувствовала, что ее дурачат...

Как объяснить парадоксальное, кричащее противоречие с одним из нерушимых законов кино? Дело в том, что Габен не воплощает сочиненные кем-то истории, но всегда играет одну и ту же: собственную».

Чтобы попытаться понять, почему Габен при своей стопроцентной узнаваемости не породил реальных двойников, попробуем перелистать альбом с фотографиями — длинную ленту его кинобиографии, его жизни.

Вот Габен молодой, в клетчатой кепке (которой он остался верен и в старости), рядом с юной женщиной, чье платье на нынешнем витке моды «ретро» выглядит архисовременно. На снимке надпись: «Милому Жану Габену, которому я предсказываю большое будущее. Апрель 1928». Очаровательная женщина — певица Мистенгет, тогда в зените славы (не забудем, что Париж в те времена был законодателем искусств), а будущее, которое она пророчила Габену, — это мюзик-холл.

Связь с юностью, с веселым коловращением эстрады станет тридцать лет спустя иронически теплой темой фильма «Французский канкан», который поставит великий режиссер Жан Ренуар. Это картина об истоках, о том, что питало и воспитало Габена.

Никакой «клубнички» нет в этом фильме. «Мулен Руж» в нем еще не ночное кабаре для туристов, где и французского-то языка не слыхать; «Мулен Руж» только что сколоченный сарай, где и пол и сцена ходят ходуном и где веселится народ — не публика, а именно народ: мастеровые, приказчики, кузнецы и плотники, а самой лихой заводилой оказывается прачка. Режиссер Жан Ренуар перенес на экран поэтику живописных картин своего отца и его единомышленников — импрессионистов; «Французский канкан» словно оживший холст «Мулен Руж-де-ла Галетт», на котором правит бал Габен.

В своей книге о Париже Андре Моруа спрашивал, откуда у простой швеи — мидинетки, у прачки или горничной столько изящества и вкуса во всем, что она делает, в манерах и разговорах. И сам отвечал: ничего удивительного, ведь они ездят на работу мимо решетки Тюильри, мимо Лувра и аркад улицы Риволи, они впитывают с детства красоту. Можно привести слова Герцена о том, почему многие француженки кажутся ему красивыми: «Французская красота чрезвычайно человечественна, социальна; такая красота воспитывается веками, вырабатывается преемственным устройством быта, нравов, достается в наследие, развивается средой, внутренней работой, — такая красота факт цивилизации и народного характера».

Это приложимо и к характеру творчества — от зажигательных танцев дощатого «Мулен Ружа» до длинной череды габеновских типов, сыгранных им для кино. Растворенное в быте искусство, воспетый поэтами «воздух Парижа» были той средой, от которой он неотделим.

Габен сыграл полторы сотни ролей — едва ли не всех персонажей человеческой комедии, целый «маленький народец», как он любил говорить. Знаменитые кадры, вошедшие во все хрестоматии по истории кино, кадры из предвоенных картин «Великая иллюзия», «Набережная туманов», «Человек-зверь», «День начинается» режиссеров Жана Ренуара и Марселя Карне. Позже киноведы назовут эту эпоху «поэтическим реализмом» и еще — временем «великого Габена» (в отличие от Габена последующего).

Герои этих лент — солдат, дезертир, железнодорожник, фабричный рабочий — властно вошли в историю, сознавая, что именно они становятся главными действующими лицами, и пристальный интерес к их внутренней жизни, их переживаниям станет по праву основной темой искусства.

Габеновские персонажи в этих фильмах живут смутным ожиданием, словно видят уже вагоны третьего класса, в которых сентябрьским утром они отправятся с Восточного вокзала на линию Мажино. Тень поражения уже нависла над Габеном-рабочим, которому даже любовь была ниспослана в виде наказания в фильме «День начинается», или Габеном — дезертиром колониальных войск, пытающимся уплыть неизвестно куда с «Набережной туманов».

Следующие несколько фотографий уже не из кино. Пробыв короткое время в Америке, Габен вступает добровольцем в ряды «Сражающейся Франции». Рядовым. Он служит матросом на конвойных судах союзников, в том числе дважды ходит в Мурманск. В 1944 году командиром танка он прошел от пляжей Нормандии (где потом купит ферму) до Рейна. Наград ему не досталось — две благодарности в приказе командующего, вот и все. Орден он получит много позже, за заслуги перед отечественным кинематографом.

Послевоенный Габен появляется на экране в новом облике. Его светлые волосы поседели, на лице глубокими бороздами пролегли морщины. И герой его жил уже не смутным ожиданием катастрофы, он познал годы подлинных несчастий и смертей, познал трудное искусство быть человеком. То был фильм Рене Клемана «По ту сторону решетки», известный нашему зрителю под названием «У стен Малапаги».

Начиная с 50-х годов, габеновским амплуа стал «сильный человек». Он мог быть рабочим («Улица Прэри»), адвокатом («В случае несчастья»), гангстером («Не тронь добычу»), полицейским (серия с Мегрэ), президентом концерна («Сильные мира сего») и просто президентом (из одноименного фильма по роману Сименона). Но всех персонажей объединяет добротная суть человека, никогда не плывущего по течению. Это всегда личность ответственная, способная и привыкшая мыслить самостоятельно.

Создавая свои модели, актер находит для них новую краску — иначе он не был бы высоким профессионалом. Но что переходит из роли в роль, это присущий Габену дар органического бытия на экране.

Он говорит простыми фразами, откуда выскоблена риторика: Габен требовал, чтобы диалоги для него писались специально.

В легенде о «звезде» непременно должна присутствовать толика безумия, немного жестокости, обязательны капризы и выверты. Габен в этом отношении разочаровывал разносчиков закулисных сплетен. Он никогда не опаздывал, он являлся на съемку как в мастерскую и, закатав рукава, принимался «строгать» (любимое словцо).

Ему всегда претила антинатуральность, никаких метаний, отчаянных жестов, ничего такого, габеновские персонажи сдержанны. Однако в них была аккумулирована такая сила, что зритель доверял им сразу. Когда в «Сильных мира сего» магнату Шудлеру приносят известие, что сын покончил с собой, не выдержав отцовской игры на нервах, то Габен (Шудлер) две минуты смотрит в объектив кинокамеры. Целых две минуты он просто глядит, не произнося ни слова, как бы сквозь вас. Это очень рискованный кадр. Лукино Висконти (которому, в общем, фильм не понравился) сказал, что он не знает в мировом кинематографе другого актера, который бы мог сто двадцать секунд смотреть в объектив так, чтобы у зрителя пробегал по спине мороз.

Еще одна особенность Габена — он не боялся сниматься вместе с другими «звездами». В комедиях он играл с Бурвилем, Фернанделем, де Фюнесом. В драмах он партнерствовал с Бельмондо, с Аленом Делоном, Бриали, многими другими.

В игре с Делоном, кстати, был всегда «второй план». Их фильмы «Мелодия из подвала», «Клан сицилийцев» построены по одной схеме: в устоявшийся мир гангстеров, чьи законы и клановую честь бережет старый метр — Габен, врывается не признающий никаких правил молодой волк — Делон. Волк в результате проигрывает или даже погибает, ибо ничто не может поколебать устои, если на страже их стоит такой человек, как Габен. Делону очень хотелось, чтобы Жан Габен назвал его своим преемником в кинематографе. Но этого не случилось: слишком разные личности.

Последний фильм, который шел у нас в прокате, был «Двое в городе». Габен играл в нем воспитателя, пытавшегося возвратить к нормальной жизни в буржуазном обществе молодых преступников. В некотором роде эта роль символична. Практически во всех послевоенных картинах Габен и по фактуре своей внешности, а главное, по существу выступал «старшим». Даже в любовной линии картины «В случае несчастья», где он (адвокат Гобийо) пытался наставлять на путь истинный спутавшуюся с ворьем героиню (Брижжит Бардо), Габен был «старшим». В нем очень сильно охранительное начало — не в смысле благоразумия или постного благомыслия, а в том, что он всегда должен о ком-то заботиться, кого-то оберегать. В этом секрет его нежной насмешливости и строгого обаяния, сквозь которые проступает доброта.

Радикальные критики не раз упрекали Габена в том, что он снимается в пустышках, играя «среднего француза», а охранительность его типажа поддерживает буржуазный миропорядок. На это актер отвечал, что ему не из чего выбирать. В известной мере он был прав: в последнее десятилетие французский кинематограф переживает кризис, картины заметные можно перечесть по пальцам. Еще он говорил, что его «средний» француз прост, но не простодушен. Ясен, но не примитивен. Он тверд в своей правоте, а его человеческие качества проверены на деле. Его герои — люди среднего регистра, но это те, из которых состоит мир, и большими событиями движут как раз «средние» люди...

Хотя тот же Габен признавался другу, что ему жаль было бы кончить на какой-нибудь дребедени. Увы, кончил он на гангстерской ленте «Святой год».

Но подводить итоги нельзя по последней картине, даже по нескольким. Из времени, прожитого актером, выступает его «малый народец», часть народа большого, великого, имя которому Франция. Габен был его обобщающим типом, которому нельзя подражать. Им можно только быть.

Б. ТИШИНСКИЙ

СИГНАЛЫ ИЗ КОСМОСА?

Покажется странным, но два эти снимка объединяет одна тема — интерес землян к космосу. На фотографии слева вы видите чашу гигантского радиотелескопа в Аресибо (Пуэрто-Рико; размер зеркала — 330 м), с помощью которого американские ученые надеются обнаружить далекие цивилизации. Особый интерес исследователей вызвала галактика 3С 228 (это означает, что эта галактика фигурирует в 3-м томе кембриджского каталога космических радиоизлучений под номером 228). По мнению руководителя центра, профессора Дрейка, сигналы, получаемые из этой галактики, носят искусственный характер.

На втором снимке запечатлены два молодых английских любителя научной фантастики во время ежегодного съезда «трекеров». «Трекерами» в США и Англии зовут поклонников многосерийной телевизионной серии «Стар трек» («Звездное путешествие»).

Впрочем, движение «трекеров» давно уже переросло рамки «кинолюбительства». В Англии появились клубы, выходят газеты, устраиваются конкурсы, выставки моделей космической техники и космических мод. По словам участников последнего ежегодного съезда «трекеров» (он проходил в Лидсе), их увлечение выгодно отличается от обычного идолопоклонства перед очередными поп- и рок-«звездами». Мы не забываем наших «звезд» только потому, что они сходят с «хит-парадов». Мы любим не столько актеров, игравших наших героев, сколько самих героев и те благородные цели, которые движут ими. «Стар трек» — это не только приключения, это прежде всего послание из космоса, отвергающее насилие, варварское отношение к природе и расистскую узколобость... Ну а моды — это так, развлечение».

С КИСТЬЮ НАПЕРЕВЕС

На войне как на войне, говорят французы и Клод Рабани в том числе. Как и в былые годы (во время второй мировой войны он был снайпером в армии де Голля), Рабани часами просиживает с биноклем в засаде, поджидая своих врагов и следя за поведением друзей. Друзья его — лани, косули, куропатки, которым во Франции грозит полное истребление. Враги — о, их много, целые «пехотные дивизии», точнее, 2,5 миллиона охотников, занятых истреблением этих и других видов животных. Против них у Рабани только одно оружие — кисть и краски. На его картинах запечатлена охота, только в роли охотников, мстя за убиенных сородичей, выступают животные. Выставку его картин недавно устроило Общество за ограничение охоты. На очередном заседании председатель общества сокрушался: «Мы не можем более требовать повышения платы за охотничью лицензию, ибо нам справедливо говорят, что это означает отбор по имущественному признаку. Что же нам остается?» — «Остается одно, — меланхолично заключил Рабани, — дайте каждому зверю право хотя бы раз в году поохотиться на охотника».

Похоже, Клод Рабани не прочь порисовать свои сюжеты с натуры, возможно, и звери не возражают; осталось немногое — уговорить охотников.

РЕКЛАМА. Одна британская фирма, по словам ее руководителей, готова затратить 45 тысяч фунтов стерлингов, чтобы с помощью звуковых волн выманить на поверхность знаменитую «Несси». Первые опыты с проигрыванием Пятой симфонии Бетховена привлекли только мелких рыбешек, но фирма не отчаивается. Вся эта затея выглядела бы очень странной, если бы действительной целью фирмы не была реклама ее магнитофонов.

ЗНАТОКИ. «Приветствуем вас в городе страха» — называется выпущенный недавно «Краткий курс по выживанию для гостей Нью-Йорка». Обычное руководство для туристов — не выходить на улицы вечером, не ездить в метро и т. д. Необычен, но зато компетентен лишь издатель — организация полицейских, оказавшихся без работы.

ТЕ ЖЕ И ОПАЛ

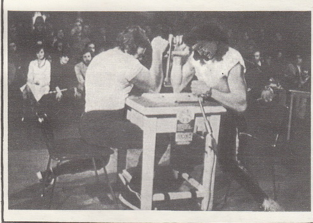
Читают ли в Кубер-Педи Джека Лондона? Вряд ли, если судить о любви к литературе среди золотоискателей по тому, как они описаны в произведениях самого Лондона, посвященных «аляскинской лихорадке». Тем более вряд ли, если судить по тому, что представляют собой «герои» сегодняшней «опаловой лихорадки», разразившейся в раскаленных пустынях Австралии. Нынешняя эпопея — точная (и даже еще более жестокая, если верить репортерам западногерманского журнала «Штерн») копия с прошлого. Да и «герои» ее те же: люди, ослепленные шансом проснуться однажды миллионерами. И в нравах немного перемен — все та же готовность ради этого шанса всадить нож в спину ближнему. Есть, впрочем, поправки, внесенные научно-техническим прогрессом. Раньше посетителям салуна предлагалось «оставлять оружие на вешалке при входе», сегодня в старательском поселке Кубер-Педи, центре добычи опалов, приходится специально напоминать зрителям единственного кинотеатра, что «иметь при себе динамит во время сеанса воспрещается». Зрители громко смеются.

ЧЬЯ РУКА — ВЛАДЫКА?

«Железная рука» — так называют в Италии эту известную во всем мире мужскую забаву «от нечего делать». В последний месяц 1976 года в Милане состоялся первый национальный чемпионат по укладыванию «на лопатки» рук соперников. Организаторы, разделив всех участников на шесть возрастных групп, предложили помериться силами при помощи специальной запатентованной установки, исключающей использование силы запястья.

114 соискателей золотой медали бросили друг другу перчатки, но всех, даже здоровяков за сотню килограммов веса, обошел 27-летний миланец Польдо. Он высок — 1,92 метра и относительно худ — 80 килограммов; в чем же секрет успеха? «Руки у них коротки», — туманно отвечает на этот вопрос Польдо.

Чемпион, по его собственным словам, ради любимого спорта готов на все махнуть рукой: в ближайшее время он планирует основательно нажать на тренировки, мечтая о европейских и мировых лаврах и подумывая о том, не перейти ли в профессионалы...



ЧАРОДЕЙСТВО И ВОЛШЕБСТВО. Представители довольно престижной в Италии профессии — маги, чародеи и астрологи города Неаполя собрались недавно на свой очередной конгресс, дабы избрать нового президента ассоциации. Зная, с какой публикой им приходится иметь дело, устроители конгресса предприняли все возможное и невозможное, чтобы при подаче и подсчете голосов не было никакого жульничества. После подсчета выяснилось, что общее количество поданных голосов на двенадцать превышало число присутствовавших.

У КАРЛА УКРАЛИ... ШПАГУ

Постойте, мсье, что это у вас в руках, уж не шпага ли Карла X, которую недавно выкрали из Лувра? Нет, Жак Рулан, фотограф и ведущий популярной телепередачи «Скрытая камера», так и не дождался подобного вопроса ни от посетителей Лувра, ни от полицейских, столь «бдительно» охраняющих шедевры музея, по залам которого он прогуливался несколько часов с точной копией украденной шпаги.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ТРИ СОВЕТА ЧЕМПИОНА

«Почему в этом году мы не видели на мировом и европейском первенствах Джона Карри, какова его судьба?» — спрашивают нас читатели. Судьба обычная для спортсмена на Западе: титул олимпийского чемпиона дал ему возможность создать свое собственное театрализованное шоу, с которым он гастролирует во многих странах. Но, заработав достаточно денег, Карри обещает вернуться в спорт, уже в качестве тренера. В интервью «Обсерверу» он дает три совета своим возможным ученикам: 1. Ответь сам себе на вопрос: действительно ли ты готов отдать все силы спорту? 2. Конечно, твоя мама считает, что ты достигнешь вершин, на то она и мама, но ты сам должен быть уверен в этом. 3. Если почувствовал, что спорт уже не приносит тебе радость, бросай его.

ВАМ «ДЕТСКИЙ МАТ»

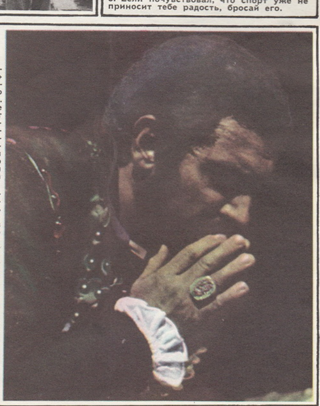
В пять дней она различала лица окружающих, в 9 месяцев говорила такие слова, как «сердце» и «радость», а в полтора года уже начала читать. У малютки Памфилы (сейчас ей 2 года 7 месяцев, вес 13 килограммов) свои хобби: шахматы, пинг-понг, в который она играет, стоя на столе, и гимнастика — «Хочу быть как Надя Команечи». Американские психологи считают, что им еще не приходилось сталкиваться с примерами столь раннего развития. Куда чаще зато приходилось сталкиваться с расистскими рассуждениями о якобы умственной неполноценности, свойственной неграм. Им юная американская шахматистка явно ставит мат.

ВЕНЕЦИЯ И ЕЕ ВЕРНЫЙ МАВР

Впервые в истории знаменитого театра «Ла Скала» представление, открывающее 7 декабря сезон, было показано по телевидению. Давали «Отелло» Джузеппе Верди, оперу, вот уже 89 лет идущую на сценах всего мира. Событие, безусловно, интересное, тем более что партию Отелло впервые на миланской сцене пел 36-летний испанский певец Пласидо Доминго, которого критики считают лучшим тенором мира.

Сделав свое дело и задушив Дездемону, мавр с готовностью согласился дать интервью. Доминго — человек общительный и готов говорить о чем угодно: и о бельканто, и о том, как он видит образ Отелло, и о себе... И, еще не расставшись с только что спетой партией, обязательно — о своей любви, о Венеции. «Мои дети, как и я, влюблены в Венецию. Они говорят, что, когда вырастут, обязательно попробуют спасти ее. Это преступление, что этому удивительному городу грозит гибель... Прошу вас, напишите, что я готов дать несколько концертов в пользу Венеции. Может быть, коллеги поддержат меня?!»

И в самом деле, кому, как не мавру, спасать Венецию!..



„УДАРНАЯ" РАБОТА СКРОМНОГО РИНГО СТАРРА

Боб УОФФИНДЕН,
английский журналист

Иногда живущему по соседству приятелю-репортеру дозволяется взять интервью без посредников — в комнате лишь ты, интервьюируемый и магнитофон. Ринго Старр — хоть и мой сосед, и даже приятель — такого мне никогда не позволял. Вообще, иногда мне кажется, что, говоря с одним из «Битлз», вы имеете дело с запутанной шарадой, которая для самого хозяина стала необходимостью, требованием этикета. Иногда мне кажется что «битл» всегда останется «битлом» — отныне и во веки веков.

Никто из экс-«битлов» не любит отвечать на вопросы. Наконец Ринго согласился давать официальные интервью в Лондоне, впервые за много лет. Он основывает свою собственную фирму грампластинок («Ринг О'Рекордз» — он не из тех, кто станет понапрасну ворошить старое). Первым выйдет альбом, названный его новым сотрудником, играющим на инструменте под названием «синтезатор»[1], Д. Хентшеллом «Потрясающая музыка». В Европе пластинки «Ринг О'Рекордз» будут распространяться фирмой «Полидор». Поэтому и интервью Ринго будет давать на Оксфорд-стрит, в помещении фирмы.

Мистер Хью, работник пресс-центра «Полидора», только и занят составлением графиков интервью — чтоб успеть охватить всех. Ни одна уважающая себя газета не отвергнет аудиенцию с мистером Старром и мистером Хью, «они также будут давать интервью и иностранным журналистам». Объявление гласит: «Всеми любимый Ринго отвечает на вопросы вместе со своим партнером Дэвидом Хентшеллом одновременно двум журналистам во время получасовых сеансов в полдень». Я включился в систему.

Точно в два часа дня приезжает Ринго. (Где ты, полдень?)

На Ринго меховое макси-пальто, и волосы его благородно серебрятся на висках. При нем Хентшелл, импресарио Джон Джилберт, мистер Хью.

Вертятся два фоторепортера и какие-то другие малозначительные фигуры. Ринго усаживается, в руках стакан бренди с лимоном. Речь пойдет об альбоме Хентшелла. Оказывается, «Потрясающая музыка» не что иное, как «синтезаторная» интерпретация альбома Старра «Ринго», начиная с музыки и кончая обложкой. «Кто б мог подумать, что этот парень со своим чудищем сделает из моей музыки симфонию?»

Ринго говорит о Хентшелле: тот, оказывается, окончил колледж, но не стал поступать в университет (это у Ринго звучит уважительно) и устроился официантом в студиях «Тридент». Его обширные музыкальные способности вскоре привлекли внимание Поля Маккартни. От Маккартни он презрительно отказался и убедил студию купить синтезатор. «Немалое достижение, так как тогда они стоили минимум 5 тысяч фунтов. Это,— говорит Ринго,— слишком много денег за набор железок...»

Он сам переоборудовал синтезатор и испробовал его на «Прощай, желтая кирпичная дорога» Элтона Джона. Потом он играл вещи Саймона и группы «Кровь, пот и слезы».

И потом — короткий перелет к «Ринг О'Рекордз».

Ринго утверждает, что до сих пор не узнает половины своих песен в альбоме Хентшелла (он настаивает, что это альбом именно Хентшелла).

— Сначала мы были очень строги к нему, заставляя его делать точные копии песен, потом он сыграл нам ту, которую аранжировал сам, и нам понравилось. Поэтому мы предоставили ему полную свободу. Мне кажется, теперь они звучат лучше. Я думаю, нам с самого начала не нужно было ему диктовать.

Мечта Старра — собрать толковых одиночек и начать вместе собственное дело

— Я бы хотел, чтоб все у нас было как у «Юнайтед артистс». Нам всем мешают люди, чье единственное преимущество состоит в том, что они называются экспертами.

(Историческая справка: «Юнайтед артистс» была создана Чарлзом Чаплином, Дугласом Фербэнксом, Мэри Пикфорд и Гриффитом в 1921 году для защиты своих интересов от мародерствующих кинокомпаний.)

— А не боитесь, что получится как с вашим битловским концерном «Эппл»?

— Тогда мы были молодые. И глупые — вы подписываете клочок бумаги за пару минут, а потом семь лет не можете выбраться. 27 юристов работали, чтоб расстроить наше прежнее товарищество. А мне бы хотелось, чтобы мир держался на рукопожатиях. Конечно, если кому-то из артистов захочется отделиться, они смогут покинуть мою компанию.

Фоторепортер из «Дейли экспресс» просит Ринго и Хентшелла сняться вместе.

[1] *«Синтезатор» — электронное устройство, на котором можно воспроизводить звучание любого музыкального инструмента, даже оркестра.* — Прим. авт.

Хентшелл, со сложением регбиста, нависает над Ринго, уменьшает его. Люди продолжают входить и выходить, в комнате становится накурено и душно. Два журналиста из Голландии спрашивают Ринго, как ему нравятся «Голден Ерринг» и «Фокус», на что он отвечает: «Никак». — «Что вы имеете против голландских групп?» — негодуют они.

В настоящее время карьера Ринго поразительно удачна. После распада «Битлз» он целый год сидел в своем саду и размышлял о том, что делать дальше. С тех самых пор он твердо знает, что хочет делать: «Много разных дел, но все хорошо». В позапрошлом году он выпустил альбом «Ринго», который ни в чем не уступал альбомам других соло-певцов. Он снялся в нескольких фильмах, конструировал мебель — между прочим, но с толком. Одна из его недавних песен шла первым номером в Штатах: «Это песня против наркотиков. Вы же меня знаете — я такой хороший», — и морщит хитрющий здоровенный нос свой. Это правда. Ринго по очереди отвергал модные искушения: «Дурь и есть дурь. Для дураков».

Его следующая идея — выпуск альбома «кантри»: «Я все обещаю сам себе, а времени нет и нет. Буду делать телевизионную программу, уже есть сценарий. Посмотрите, это будет грандиозно».

Ринго также собирается сделать фильм с Бертом Рэйнолдзом[1], хотя сроки съемок еще не определены. Он будет играть роль глухонемого слуги Рэйнолдза.

— ?

— Так будет же комедия! Некоторые вещи там просто великолепны, особенно те места, где есть я, — нос опять предательски морщится.

Появляются два японских журналиста. Они вручают Ринго восточные дары: большую бутылку сакэ и зеркало в оправе ручной работы. Ринго пытается острить — что-то там о китайских фонариках, но потом быстро извиняется за свои недостаточные познания в области восточного искусства. Мистер Хью сидит тихонько, спокойно и внимательно наблюдает за происходящим: все эти подарки перейдут к фирме, но он молчит, что делает ему честь.

Далее Ринго разъясняет, что в Англии он бывает семь месяцев в году и проводит это время со своими тремя детьми, а остальные пять месяцев — в Лос-Анджелесе.

Какую музыку предпочитает Ринго слушать?

— Я много слушаю «кантри», «рок» и «поп». Ну, и конечно, вещи Леннона, но мне трудно судить о Джоне, мне вообще нравится все, что он делает.

На вопрос, что он думает о современной поп-сцене, Ринго отвечает, что не видит там ярких новых направлений: «Кто знает, что будет дальше; может, все вдруг влюбятся в итальянских теноров или еще во что-нибудь. Не могу я пристрастий смурных рок-фэнов предсказать. Одно только — пора привыкнуть к синтезаторам».

И снова о том, что Хентшелл «великий синтезист» (слово вызывает у Ринго сомнения. Одно несомненно: имея поддержку Ринго, Хентшелл не потерпит неудачу).

Несомненно и то, что Большой День Интервью удался. Представителей прессы приходилось уводить силой, и на следующей неделе имя Хентшелла уж точно будет мелькать почти во всех газетах. (Ринго всегда оставлял себя в тени.)

Японские журналисты все еще молчат — они плохо говорят по-английски. Наконец они собираются с силами и задают Ринго вопрос: «Не хочет ли Ринго сказать что-нибудь японцам?»

— Привет, Япония!

Они восхищенно улыбаются. После пятнадцати лет занятий бизнесом нельзя упрекнуть Ринго в том, что он плохо держится.

Моя шарада остается нерешенной.

Перевела с английского Л. ВОРОПАЕВА

[1] *Берт Рэйнолдз — известный американский киноактер.* — Прим. ред.

МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

В 1970-м был Распад — с большой буквы, как сейчас говорят многие западные критики, и Маккартни спокойно, со знанием дела объяснял газетчикам, как следует делить имущество — будто речь шла о бабушкиных серебряных ложках; Леннон, революционер и музыкант, у которого разговоры о процентах всегда вызывали тошноту, делал последние попытки получить визу на въезд в Канаду, чтобы не дать сорвать музыкальный фестиваль против войны во Вьетнаме; Харрисон готовил очередное путешествие в Индию, а пока что продолжал совершенствоваться в игре на ситаре. А что делал Ринго Старр? Он не подсчитывал вслух, кому что, потому что был лишен бизнесменского азарта; он не занимался никакими фестивальными мероприятиями, потому что никогда не был убежденным радикалом; не успокаивал нервы игрой на ситаре, потому что не умел на нем играть.

Звон от Распада был, как если лампочку бросят о стену; потом осколки подмели, и по радио стали крутить другие песни. Но в студиях готовили сольные альбомы Поль и крошка Линда, Джон и Йоко Оно, а Джордж разучивал веселую песенку «Искусство умирать». А что делал Ринго? А что он умел делать?

Он не мог писать мемуары, потому что был недостаточно образован для писания книг — он даже школу не кончил по причине болезни.

Он, конечно, умел барабанить по шестнадцати предметам сразу, но само по себе это занятие вряд ли способно принести удовлетворение или хотя бы деньги.

Ринго выпустил скромную блюзовую пластинку. Все блюзы были написаны не им. Он скромно спел блюзы, потом надел темный пиджак и голубые брюки в полоску и сфотографировался на обложку. Пластинку очень ругали.

Кто был Ринго Старр для тинэйджеров в 1970 году? «Рок-революция» уже не пылала вовсю, а те, кто ее делал, начинали листать книги; пришло время осмысления. Пришло время музыкантов-философов, вроде «Пинк Флойд»; время драматических талантов, таких, как Джим Моррисон; время обращения «рок-революции» из буддизма в христианскую веру, и на смену Рама-Кришне пришел Иисус Гиллан или Иэн Христос, как угодно[1].

Ринго не стал расталкивать локтями толпу новых знаменитостей; он обошелся без сцен отчаяния на глазах у фоторепортеров; он понял, что не может сравниться с Христом и тем более с Элтоном Джоном, и остался на втором плане рок-музыки.

«Когда они были вместе, они удерживали друг друга от крайностей: Маккартни был лиричен, но не слащав; Леннон тонко издевался, но не оскорблял; да и мистицизм Харрисона тоже сдерживался (Ринго всегда был Ринго, барабанщик и друг, ничего особенного)», — писал американский критик Джефф Гринфилд. Ринго всегда оставался в скобках — и во времена существования «Битлз», и потом Ринго Старра именовали «человеком без крайностей», «человеком средних способностей». Просто один из четырех, тот, о котором меньше всего говорили, — но раз они были с ним, значит, он был им необходим (хотя ударников, и такого уровня, как Ринго Старр, в принципе много). Вряд ли стоит допускать сейчас постыдную мысль, что был он «задуман» как фон. Сами бы «Битлз» такой мысли не допустили. Джон Леннон говорил о нем как о самом достойном своем друге, подчеркивая именно спокойную честность Ринго Старра. Может, стоит подумать — он и был тем «стабилизатором», что удерживал от крайностей остальных?

Ринго Старр — звезда не первой величины, он — второй план.

Быть на втором плане само по себе не значит, что ты хуже или лучше тех, кто на первом. Быть на первом или на втором плане — свойство скорее творческого темперамента, а не таланта. К тому же первый, второй и иные планы тасуются временем: так, «рок-поколение» вывело на первый план тех музыкантов, чья музыка более или менее философична; «антиинтеллектуалы» типа Пресли вышли из моды.

Ринго предлагает свою философию и свою страсть. Это наивная философия и негромкая страсть. Что нужно, чтобы людям было хорошо? «Музыка на улицах, музыка в воздухе», а также «Маленькая песенка в каждую жизнь». И Ринго поет эти маленькие, простые песенки и, собрав летом 1974 года для работы над своей пластинкой «Спокойной ночи, Вена» первоклассных музыкантов — Джима Кельтнера, Джона Леннона, Билли Престона, Элтона Джона, он заранее предупреждает их: «Простите меня, друзья, но мы будем делать маленькую музыку».

Ринго знает, что предлагать себя в рок-«звезды» на всех перекрестках — себя унижать. Каждый делает свое дело, и Ринго делает свое не самое громкое в этом мире дело, но Ринго знает, что любое дело надо делать хорошо, спокойно и с достоинством. Спокойствие, которое несет в себе музыка Ринго, — спокойствие честности, долга и работы.

Ринго не политик, но он честный человек, и отказался поехать во Вьетнам развлекать американских солдат.

Ринго не революционер, но ведь для того, чтобы выступать на фестивале, сбор от которого пошел в пользу Республики Бангладеш, достаточно быть музыкантом.

С 1970 по 1974 год Ринго выпустил три пластинки: «Сентиментальное путешествие», «Ринго» и «Спокойной ночи, Вена». «Сентиментальное путешествие» имело плохую прессу, «Ринго» и «Спокойной ночи, Вена» — сдержанно-хорошую. А сам Ринго? «О, он слишком прост!» Но с каких это пор простота стала недостатком, а не достоинством?

Посмотрите на фотографию. Он симпатичен и хитер, как молодой и веселый грузчик. Он молодой? Ему сровнялось 35 — когда давал это интервью «Нью мьюзикл экспрессу». Интервью не о себе — о своем партнере.

А. ПОЛИКОВСКИЙ

[1] *Иэн Гиллан пел партию Христа в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда».* — Прим. пер.

„ЭТО ПРАВДА ТРУДНО — ОСТАВАТЬСЯ СВОБОДНЫМ"

Чарльз Шаар МЮРРЕЙ

Я знаю парня одного
Из племени такого
примитивного,
Что с этим парнем
и не по телефону
Можно запросто поговорить.

Баффи Сент-Мари,
«Росток луны»

Знаете, когда-то это была чертовски хорошая страна... Вы поймите, это правда трудно — оставаться свободным, когда тебя покупают и продают. Конечно, никогда никому не говорят, что они несвободны, потому что они тогда могут даже убивать — только чтобы доказать вам, что они свободны...

Джек Никольсон в «Беспечном ездоке»[1]

Баффи Сент-Мари была давно популярна в Америке как автор и исполнитель песен «кантри». Но настоящее признание она получила после выхода в 1969 году альбома «Теперь, когда умер бизон» — о жизни североамериканских индейцев: сама Баффи Сент-Мари индианка из племени маниту. Признание помогло ей пробить брешь в той стене молчания, которая окружает болезненную для страны «индейскую тему» в популярной музыке США. Об истории своего народа, о его сегодняшнем дне поет Баффи Сент-Мари и в вышедшей в 1976 году пластинке «Прекрасная Америка». Певица посвятила ее 200-летию Соединенных Штатов.

Корреспондент английского журнала «Нью мьюзикл экспресс» встретился с Баффи Сент-Мари во время фестиваля музыки «кантри» в Лондоне весной 1976 года.

Телеоператор выглядит идеально. Зубы, глаза, парик, кожаный пиджак — все сияет той внешней чистотой, новизной, которую прозвали «больничной». Бела и стерильна его телекамера. Сквозь звуки негритянского танца «хоудаун» и яростные выкрики, доносящиеся из чьей-то костюмерной, сквозь облака сигаретного дыма, мимо потрепанного человека в бедом «стетсоне» и спецовке, вопрошающего каждого, кто приближается к нему на расстояние выстрела: «Алло, я Джейф Джейфри из Хьюстона, штат Техас, а тебе чего здесь надо?», мимо охраны, которая безошибочно похожа на охрану, двигает осторожненько свою телекамеру оператор, и к сияющим зубам его пришпилена улыбка, и глаза излучают усталость.

Понедельник, вечер за кулисами лондонского стадиона Уэмбли, где проходит фестиваль музыки «кантри».

Только что закончилось выступление Баффи Сент-Мари. Про нее уже все решено и записано в блокноты: она «чемпионка отверженных», она «музыкальное чудо иного племени, посвятившая свою жизнь помощи тем, кто в ней нуждается». Она «кошмарно восхитительна» и «восхитительно кошмарна», «чтобы сказать о ней, не хватает слов». Она «суперскво», «суперженщина».

Баффи Сент-Мари выступала после одного ковбоя, который на этой кантри-сцене был явно не к месту. Она, индианка, пела лучше ковбоя.

Буффало Билл — великий ковбой — наверняка перевернулся в гробу. Потому что индианка пела лучше ковбоя.

У американцев есть своя версия своей истории, и эта версия стала со временем почти неопровержимой. Обычно победители со временем становятся снисходительны к побежденным, но в данной версии побежденным даже не дали возможности зализать раны и восстановить свою экономику и культуру; этих побежденных, этих вечных пленников войны на земле Америки, которая когда-то была их собственной землей, победители до сих пор представляют как примитивных бандитов.

— Когда ты начала понимать неправду ковбойских фильмов?

— Мать говорила мне, что все эти ковбойские фильмы и книжки, вся наша официальная история не имеют ничего общего с правдой. Я знала об этом с самого раннего детства, и когда я смотрела крепко сделанный вестерн, он просто захватывал меня, и то, что содержалось в нем, не обижало. Сегодня я уже не способна к беспристрастности...

Баффи Сент-Мари, ее муж Шелдон Петерс Вулфчайлд («Дитя волка») и я выбрались из давки стадиона и беседуем в ресторане «Гайд-парк». Метрдотель с рвением человека, только что продавшего своих близких в рабство за твердую валюту, готов притвориться, что и в резервации он был бы лучшим метрдотелем: «Не болтай глупости, парень. Эти люди знают, как живут в резервациях».

— ...но и сейчас меня может захватить хорошая драма, о чем бы она ни была, потому что это — искусство. Искусство как магия: искусство знает, как похитить у вас вашу правду и заменить ее своей. Сейчас, взрослая, я это хорошо вижу и злюсь, злюсь... Злюсь даже на свою злость, потому что хотела бы обратить ее во что-то повседневное, пусть незаметное... Я не хочу, чтобы гнев опустошал меня, не хочу безысходности гнева.

Индейцы очень изменились с того времени, когда я начинала петь. Они прошли долгий путь. Раньше наши женщины носили европейские прически, делавшие их смешными и нелепыми, и пытались устроиться секретаршами. Наши мужчины коротко стриглись и не позволяли себе думать шире, чем то было дозволено Хозяином. Но где-то там, внутри, была такая пустота, такая тщетность, вам никогда не понять ее. Не обижайтесь, просто вам не понять. Но потом что-то стало меняться.

— Когда? Когда заняли Алькатраз[1]? Когда об этом стало известно всему миру?

— Да. И потом, после Вундед-Ни[2]. Ведь там все началось с того, что народ сиу решил переизбрать им же выбранного представителя, а правительство США не разрешило им этого — переизбрать своего же... ФБР, ЦРУ, судебные исполнители, пули «дум-дум» — все было использовано против нас. Да вы это и сами знаете... Телефонные разговоры наши прослушиваются, письма приходят открытыми, с нами тайно расправляются, наших детей растлевают, деньги наши отданы разным поручителям и адвокатам, и мы можем выбрать-

---

[1] *Джек Никольсон — американский киноактер (мы писали о нем в № 9 за 1976 год), исполнявший одну из ролей в фильме «Беспечный ездок», в котором говорится о протесте молодых американцев против «ценностей» буржуазного общества.* — Прим. ред.

[1] *В декабре 1969 года группа индейцев высадилась на острове Алькатраз у западного побережья США и объявила остров собственностью индейского народа. Они хотели организовать там Институт этнографии, Медицинский центр и музей тех вещей, которые белые когда-то давали индейцам взамен земли и свободы. Морская полиция блокировала остров в течение двух недель. Молодежь Сан-Франциско тайно передавала осажденным провиант и медикаменты. В конце концов правительство США силой эвакуировало индейцев с острова.* — Прим. ред.

[2] *О событиях в Вундед-Ни, происшедших весной 1973 года, мы писали в № 12 «Ровесника» за 1973 год.* — Прим. ред.

ся из резерваций только под залог... И все это потому, что мы поняли, что мы есть.

Шелдон, — она кивает в сторону мужа, — ветеран вьетнамской войны и художник на студии Диснея — что может быть более американским? Так вот, недавно его два часа допрашивали фэбээровцы...

— Задавали самые глупые вопросы, — вступает Шелдон, — в резервации в Южной Дакоте кто-то из агентов нашел на земле листок бумаги с нацарапанным на нем моим именем — и началось! Они бились два часа — а зачем этот листочек валялся в Южной Дакоте? Почем я знаю...

— Я послала кассету в Эй-би-си[1], — продолжает Баффи, — они мне заказали песню к 200-летию США. О том американце, который первым пал в войне за независимость. Он был полуиндеец-полунегр...

— Криспус Аттокс?

— Вы знаете это имя? Многие американцы — нет. Ну как бы там ни было, кассета прибыла в Эй-би-си совершенно испорченной, проигрывать ее было невозможно... И все же, и все же!.. Во-первых, мы еще живы. Во-вторых, мы все еще творческая нация. Мы с Шелдоном создали компанию, которая так и называется «Творческая нация». Будем организовывать концерты, выставки индейского искусства, а на вырученные деньги хотим основать фонд для обучения индейских детей. Этим летом мы с Шелдоном читали лекции в резервациях об индейской истории. Власти, конечно, препятствовали нам, но другого мы от них и не ждали.

До шестидесятого года нам не дано было даже права голоса. Поправка к конституции о равных правах для всех, кто родился на американской земле, была принята еще в 1924-м, но про индейцев там даже было специально оговорено, что они права голоса не имеют. Не спрашивайте меня почему. Кажется, где-то в глубинах американского сознания, которое я не в силах понять, до сих пор сидит мысль, что индейцы — потенциальные враги Америки. Вы писали о «Прекрасной Америке»...

Здесь позвольте прервать рассказ Баффи и процитировать себя: «Пластинка Баффи Сент-Мари «Прекрасная Америка» вышла в марте 1976 года и была посвящена 200-летию. Вот что я понял из этой пластинки — помимо того, что у Баффи прекрасный голос, и стихи, и музыка: присяга на верность отдана певицей той стране, той здоровой и здравой стране, которая существовала задолго до роскошного индустриального общества. До бензозаправочных станций, до чикагского побоища, до Аттики, до расстрелов в Кенте, до Уотергейта. Тому здоровью земли, которое все же есть — вопреки всем этим болезням. И переживет их».

— ...да, так то, что вы писали о «Прекрасной Америке», — правда. Вы поняли меня. Мы любим эту землю такой любовью, о которой Джордж Вашингтон не мог и мечтать. Не из выгоды мы ее любим, не потому, что можем что-то из нее извлечь. Эта любовь была нашей религией. Наши обрядовые танцы, наши песни — все было об этой земле. Но для танцоров рыли волчьи ямы, а певцов вырезали — вырезали благородные христиане: резню у Песчаной Речки устроили ведь методистские священники[1]. И сколько бы я ни «вращалась в свете», какого бы успеха как певица ни добивалась, какой бы образованной ни становилась, я все не могу отделаться от детского непонимания — почему так? Почему идет — до сих пор идет — война против нас? Американцы, заметьте, ничего не хотят знать об этой войне. Сколько всего произошло в американском сознании, сколько перемен — но о нас они все так же не хотят знать. Я не понимаю этого, никак не могу понять, — бормочет она чуть слышно, и взгляд ее ускользает от меня.

Через секунду она возвращается к разговору:

— Я человек нашего времени, и таких среди нас много, но, сколько бы мы ни узнавали и сколько бы ни давали миру, мы чувствуем связь с прошлым — и кто-то, я не знаю кто, я не могу назвать имени, кроме как имя «все», хочет убить в нас это.

— Тем более стоит попробовать реконструировать эти духовные связи — связи между теперешними индейцами и теми, кто встретил первых завоевателей и первых поселенцев?

— Это именно то, что мы должны делать. Когда мы, Шелдон и я, почему-либо чувствуем себя опустошенными и усталыми, мы знаем, что нам делать. Мы знаем, куда идти. Мы знаем, как найти надежду, — она в умении слушать тишину, не в словах молитв. Мы знаем, как найти место и разжечь костер... Мы оба опытные и образованные люди, я изучала в университете восточную философию, Шелдон — историю религий, но все же, когда мы разжигаем костер, в нас столько общего с индейцами, сидевшими у костра до приезда Колумба.

— Сколько же прежней, оригинальной индейской культуры может быть спасено после стольких лет политических и культурных гонений?

— О, я, верно, ввела вас в заблуждение. Еще существуют племена — особенно на юго-западе, — не тронутые, не убитые цивилизацией. Индейцы с равнин — такие, как мое племя и племя Шелдона, — действительно пострадали: в американской машине в принципе не выживают. Но я знаю — мы все-таки выжили. И вопрос для меня не в том, сколько чего может быть спасено, а в том, сколько и что может быть выстроено заново. Основа для такого строительства — не проекты, в свое время предлагавшиеся иезуитами, по восстановлению индейцами образа жизни 1500 года. Наша «истинность» — сегодняшняя и не имеет ничего общего с нарядами тысяча пятисотого года, в которые нас хотели одеть иезуиты.

— Баффи, хотя ты вот уже 12 лет на сцене, и пишешь песни, и поешь о жизни индейцев, мне кажется, впервые ты использовала подлинные индейские мелодии только в «Прекрасной Америке»?

— Я всегда мечтала об этом, но я долго работала в Нэшвилле, пела «кантри» — с хорошим продюсером, хорошими музыкантами, у всех у них были очень твердые представления о музыке и собственные музыкальные идеи. Мне нравились их идеи, им нужна была музыка определенного типа, и я со своими идеями не очень-то выступала, да и финансовые обстоятельства не позволяли. К тому же, когда встречаются две сильные индивидуальности — я имею в виду продюсера и, извините, себя, — кто-то отходит на второй план. Вот я и отошла.

Я и тогда еще хотела использовать возможности, которые предоставляет синтез двух культур, если говорить высоким стилем. Я хотела дать людям индейскую музыку — чистую, не голливудский вариант. И нужен был крепкий продюсер для этого Я хотела бы собрать индейских музыкантов, дать им возможность выразить себя по-настоящему, не в «белом» варианте.

Для начала я уговорила свою старую группу поездить с концертами по резервациям — и к индейцам музыка пришла «живьем», и музыканты могли лучше понять индейский дух, что ли. Вообще, в рок-музыке много говорится о духовности, о духе, был период увлечения восточной философией, экзотическими религиями — но сколько чистой духовности могла бы дать рок-музыке индейская культура! Нет, нет, не экзотики, а, к примеру, нового прочтения отношений человека и природы.

И вот я нашла такого продюсера, Генри Льюи, и сделала с ним «Прекрасную Америку». Но и он боялся, что пластинка не будет продаваться. Поэтому дал все мои индейские песни на второй стороне. Это песни о старом мире, который еще не сошел с ума. Но сумасшедший он теперь или нет, он только один и есть у нас...

Баффи допивает апельсиновый сок, устало поднимается, вынимает из волос перья — так и не сняла после концерта. «Индейский стиль», — усмехается она. Метрдотель подмигивает мне — он-то точно знает, как индейцы живут в резервациях...

Кто чувствует ритм сущего в себе?
Кто научил тех белых пилигримов,
Как жить в чащобах девственного леса?
Кому кредит открыла Мать-Природа?
Ответ — тебе, дитя родное,
Тебе, о Северной Америки дитя.

Баффи Сент-Мари. «Дитя Северной Америки»

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

[1] *Американская радио- и телекомпания.* — Прим. ред.

[1] *В 1864 году группа колонистов, которой руководил методистский священник, вероломно напала и истребила мирные племена индейцев чейена и арапахо у Песчаной Речки.* — Прим. ред.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15/II 1977 г. Подп. к печ. 28/III 1977 г. А06392. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 214.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 25 коп.